

Анна
ДЖЕЙН

16+

Твоё сердце Будет
РАЗБИТО

МОЛОДЕЖНАЯ РОМАНТИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Анна Джейн

Твое сердце будет разбито

«Автор»

2022

Джейн А.

Твое сердце будет разбито / А. Джейн — «Автор», 2022

Я вижу его каждый день в окне дома напротив. Он – самый крутой парень в моей новой школе. Красавчик, от которого все без ума. Опасный одиночка, который меня не замечает. Не думала, что наши пути пересекутся, но однажды он спас меня от одноклассниц, решивших превратить мою жизнь в ад. И сказал всем, что я – его девушка. Да еще и украл мой первый поцелуй при всех! Никто не смеет тронуть меня, ведь никто не рискнет с ним связываться. Взамен я должна буду делать все, что он скажет. Стану настоящей служанкой и репетитором в одном лице на целый год! Я терпеть его не могу, но вынуждена подчиниться...

© Джейн А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог. Девушка крутого парня	5
Глава 1. Парень в окне напротив	9
Глава 2. Чужой город	13
Глава 3. Новая школа – новые неприятности	19
Глава 4. Самый опасный ученик в школе	27
Глава 5. Друг, который стал взрослым	34
Глава 6. Самолеты тают в небе	42
Глава 7. Сосед за партой	46
Глава 8. Джентльмен поневоле	55
Глава 9. Почти свидание	60
Глава 10. Ранение одиночеством	65
Глава 11. Начало травли	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Анна Джейн

Твое сердце будет разбито

Пролог. Девушка крутого парня

*Анне Баранцевой, которая умеет вдохновлять и идет вперед,
несмотря ни на что*

Любовь побеждает страх.

В новой школе не сложилось.

Все произошло так быстро, что я даже толком не успела испугаться.

Меня поймали вечером, после занятий по английскому, и загнали в ловушку. Это было укромное местечко между зданием школы и полосой высоких кустарников, которые защищали от взглядов редких прохожих. Никто не мог мне помочь.

Их было пятеро – две мои одноклассницы, две девицы с параллельного класса и королева школы Лика Малиновская. Она стояла позади них, сложив руки на груди, и с ухмылкой наблюдала за происходящим. Ее ненависть обжигала меня.

Я уперлась лопатками в холодную стену и замерла, пытаясь прикинуть, насколько меня хватит. Сдаваться без боя я не собиралась. Но сомневалась, что одолею всех пятерых.

– Ну что, крыса, попалась? – ласково поинтересовалась одна из девиц.

– Теперь, тварь, не сбежишь и за все ответишь! – подхватила вторая.

А третья просто подняла стакан с холодным кофе и вылила на меня под одобрительные выкрики своей своры подружек.

Кофе стекал по лицу и волосам, одна из девиц снимала меня на камеру. А я, сжав кулаки, в упор смотрела на Малиновскую. Это все из-за нее. Она решила, будто я хочу заполучить ее парня, Егора Власова. Только мне он даром не нужен! Я вообще без понятия, почему он ко мне клеится.

– Что вам нужно?

– Проучить тебя, крыса. Чтобы с Егором больше не путалась!

– Я и не собираюсь с ним путаться! – Я попыталась уйти, но меня грубо схватили и снова оттолкнули к стене. Они были сильными и злыми. И знали, что останутся безнаказанными. Мать Малиновской – завуч в нашей школе. Лике все сходило с рук.

– Стой на месте, когда с тобой разговаривают! – ударила меня по плечу одна из девиц. Больно. Унизительно.

– Не смейте меня трогать, – процедила я сквозь зубы.

– И что ты нам сделаешь? Пожалуешься предкам? Или учителям? – Их смех резал уши.

– Сами увидите. Только тронете, мой парень вас по стенке размажет. Как моль.

Они снова переглянулись и захохотали, как ненормальные. Знали, что я блефую – парня у меня не было. Боже, я даже не целовалась ни с кем, какой парень?

– Крыса, ты что, со стендапом выступаешь? Какой у тебя парень? Выдуманный, а?

– Реальный.

– А он что, боксер?

Снова издевательский хохот. Они упивались своей властью надо мной.

– Хуже, – ответила я, стараясь выглядеть смелой, хотя внутри все трепетало. – Он надерет вам ваши тощие задницы, если хоть пальцем меня тронете. Ясно?

– А ты мечтательница, Туманова, кто на тебя клюнет? Полный дебил? – раздался высокомерный голос Малиновской. Ее подружки почтительно расступились, и она вплотную подошла ко мне.

Тоненькая, эффектная, с копной каштановых волос, она производила впечатление милой, но на самом деле была настоящей оторвой. Лица никак не могла простить того, что Власов забыл ее и переключил внимание на новенькую. То есть на меня. Почему-то ей и в голову не приходило, что это он ко мне пристает, а не я к нему.

– Слушай внимательно, крыса. Хотя какая ты крыса? Так, мыш. Ты меня конкретно выбесила. Егор – мой, – сказала Малиновская, жуя жвачку. И цепко схватила меня за подбородок. – Мой, поняла? А ты, уродка, решила, что можешь его забрать. Я такое не потерплю, ясно? У тебя два пути. Попросить прощения, или мы тебе темную устроим. За поступки нужно отвечать.

– Мне несложно извиниться, – пожала я плечами. Малиновская отпустила мое лицо и выгнула бровь.

– Встань на колени, Туманова. Оближи мне обувь. Тогда я буду считать, что ты извинилась. И больше не станешь засматриваться на моего мужчину.

«Мужчину» – это звучало так, будто они с Власовым были парой, прожившей лет десять. Я глянула на ее модные лоферы на толстой подошве и широко улыбнулась.

– Пошла к дьяволу, Малиновская. Лижи что хочешь. Хоть обувь, хоть землю. Хоть руки своему Власову.

Это было смело и глупо.

– Проклятая стерва!

Меня ударили – сначала по лицу, потом в солнечное сплетение. Отбиваться не получалось, и меня повалили на промерзшую землю. Я автоматически закрыла голову, чтобы защититься от новых ударов. Из разбитой губы потекла кровь. Все это снимала одна из девиц, подбадривая своих подружек, – ей хотелось «мяса».

Не знаю, что было бы дальше, если бы не он.

Тот, кого я ждала меньше всего.

Он появился неожиданно – его внушительная фигура выросла в проходе между кустами за их спинами. И почему-то я сразу поняла, что спасена.

– Не трогайте ее, – раздался его голос. Спокойный, но уверенный. Властный. Такому нельзя было не подчиниться.

Малиновская и ее свора тотчас оставили меня в покое и одновременно обернулись. Они никак не ожидали увидеть самого крутого парня нашей школы, которого все боялись. В школьной иерархии он стоял выше их. Дерзкий одиночка, с которым никто не решался связываться.

– Барс? – удивленно спросила Лица. – А ты тут что делаешь?

Вместо ответа он оттолкнул ее, шагнул ко мне и помог встать. Положил руку на мое плечо. Нахмурился – заметил кровь у меня на лице. В темных глазах промелькнула ярость. Или мне показалось?

– Салфетку, – велел он глухо.

– Что? – еще больше растерялась Лица.

– Глухая? Салфетку, быстро.

– Дайте ему салфетку, – беспомощно сказала она, и кто-то из ее девиц тотчас протянул Барсу пачку влажных салфеток. Он достал несколько и аккуратно стер кровь с моей губы. От его прикосновений внутри все задрожало.

– Еще раз увижу рядом с ней – у всех вас будут проблемы. – Барс вручил окровавленные салфетки одной из девиц, которая ошарашенно на него смотрела. – Поняли?

– Но...

– Поняли или нет?

– П-поняли, – запинаясь, ответили они нестройным хором.

– Отлично. Извиняйтесь.

Девушки замаялись, переглянулись и, наконец, решились:

– Полина, извини, пожалуйста!

– Прости! Мы не хотели!

– Это просто была такая шутка! Ты нас не так поняла!

Голоса их стали подобострастными. Им было страшно. А на меня накатила усталость. Ну почему люди такие, а?

– Не так извиняйтесь. На колени вставайте. Каждая, – обронил Барс. Малиновская едва не зарыдала от унижения.

– Нет, не надо, – тихо сказала я. – Не уподобляюсь ничтожествам.

– И правильно. Идем, нам пора, – сказал мне парень, не убирая руку с моего плеча. Его тело было горячим, и я чувствовала твердость его мышц.

– Но почему, Барс? Почему ты ее защищаешь? – беспомощно выкрикнула Малиновская. Она выглядела такой растерянной, что мне стало ее жалко.

Барс криво улыбнулся. Прижал меня к себе крепче. Оглядел их всех насмешливым взглядом и ответил:

– Потому что она моя девушка.

– Твоя девушка? – пролепетала Лика. Остальные ошеломленно молчали.

– Ты реально оглохла, Малина? – окинул ее тяжелым взглядом Барс. – Она – моя. И если ты или твои курицы еще хоть пальцем ее тронете, разговор будет другой. И да – ты ударила мою подругу, теперь я набью морду твоему парню. Око за око. Передавай привет Власу. И еще. – Парень аккуратно взял телефон, на который одна из девиц продолжала исподтишка снимать. Удалил видео и вернул его владелице.

– Малина, твоя подружка снимала меня без разрешения, – обратился он к Лике. – Знаешь, меня это не устраивает. Сделай, пожалуйста, так, чтобы в нашей школе она не появлялась.

– Дура, – прошипела Малиновская. – Барс, прости! Она случайно! Но я разберусь!

– Постарайся.

Барс накинул мне на плечи свою толстовку, взял меня за руку и повел за собой. Мои волосы были мокрыми, на светлом свитере расплылось отвратительное кофейное пятно, губа горела, однако я чувствовала странный подъем.

– Говорила же, что мой парень вас по стенке размажет, – обернулась я и нашла в себе силы подмигнуть Малиновской.

Мы ушли, держась за руки. И почти сразу встретили целую толпу парней – все из нашей школы. Видимо, они возвращались с тренировки. Барса парни знали, стали громко здороваться с ним и оценивающе поглядывать на меня. Мол, кто такая?

– Что за красотка, Барс? – весело прокричал капитан баскетбольной команды – двухметровый парень с теплым взглядом. По нему сохла та, которую я еще на выходных могла назвать подругой. И которая бросила меня, как и все остальные, когда меня объявили крысой.

– Моя девушка, – ответил он, уже не просто держа меня за руку, а переплетая свои пальцы с моими.

– Наш Димас нашел подружку! А как же Викки?

– В прошлом, – усмехнулся он. – Теперь с ней.

– Хорошенькая! – сказал кто-то.

И отовсюду посыпались комплименты:

– Подружка Барса, ты супер!

– Ножки просто огонь!

– Я бы с тобой зажег, детка! Ты бы кайфанула! – опрометчиво заявил один из парней. И тотчас стушевался под грозным взглядом Барса.

– Осторожнее, чувак. За такие слова могу и лицо сломать, – любезно предупредил он. – А потом что-нибудь еще.

– Прости-прости, я ничего такого не имел в виду! – замахал руками парень. – Неудачный комплимент! Девушка правда классная.

Интересно, с каких это пор я стала такой классной? Раньше меня, новенькую, никто не замечал. Ходила себе в школу да ходила, пока не нажила врагов в виде идиотки Малиновской, чей ай-кью стремительно подходил к отметке плинтуса.

– В первый и в последний раз, чел. Услышу хрень про свою девушку еще раз – тебе конец, кайфовать будешь сам с собой до конца жизни, – ухмыльнулся Барс и повел меня дальше.

Самый крутой парень школы вел себя так, будто бы я была его девушкой. Но на самом деле даже не знал моего имени.

А все началось с окон...

Глава 1. Парень в окне напротив

В моей жизни что-то произойдет.

Я поняла это по сверкающей точке на фоне пылающего неба. Это был набирающий высоту самолет. Он ловко вынырнул из заката и, мигая, летел ко мне, а я снимала его на телефон и думала, что это, должно быть, знак – и никак иначе. Самолеты всегда летят туда, где лучше. Самолеты – символы перемен.

По крайней мере, в моей жизни.

Я помнила самолет, на котором улетел папа, когда мы с мамой провожали его в аэропорту, не зная, что этот рейс станет последним и для него, и еще для двухсот человек на борту.

Я помнила самолет, который низко пролетал над нашим двором, когда моя мама вышла замуж за отчима спустя шесть лет.

И помнила самолет, на котором улетели из родного города мама и отчим, получивший повышение в другом городе. А я поехала следом за ними на поезде, потому что больше всего на свете боялась летать. И оставила позади всю свою привычную жизнь. Бабушку, друзей, школу, даже любимого кота, которого отчим не позволил взять с собой.

А еще я оставила папу. Хотя раньше вместе с бабушкой ходила к нему на кладбище каждый месяц. Мама раньше тоже ходила, пока не встретила отчима.

Самолету удалось вырваться из заката. До моих ушей наконец донесся рокот двигателей, и я высунулась с балкона с телефоном в руке, чтобы снять то, как он пролетает над домом.

Был ли этот самолет действительно знаком перемен или это было мое предчувствие? А может, это было мое желание – изменить жизнь?

Я не знала.

Просто случайно перевела камеру на дом напротив и поняла, что пылающий закат красиво отражается в окнах. Сниму, смонтирую, наложу музыку – и получится чудесное видео для моей страницы в Тик-токе.

Я повела камеру вправо, снимая отблески заката в стеклах. Жилой комплекс, в который мы переехали, был новым и находился почти на самом краю города в молодом спальном районе, неподалеку от лесопарковой зоны. Дома располагались так близко друг к другу, что можно было перекрикиваться.

Камера поплыла влево. Еще левее, еще...

Я наткнулась на один из балконов прямо напротив меня и... замерла от неожиданности.

На этом балконе стоял полуобнаженный парень с широким разворотом плеч. Он был в одних джинсах, а его левая рука была забита цветными татуировками. Высокий, темно-русые волосы, симпатичное лицо. По крайней мере, издали – между нашими домами было метров пятнадцать или чуть больше. Камера увеличивала, но не настолько, чтобы получилось рассмотреть детали.

Наверное, стоило убрать телефон, но я не смогла этого сделать. Просто стояла и пялилась на парня через экран, забыв обо всем на свете.

Почему он такой красивый? Кажется, на прессе есть кубики, а на руках – рельефные мышцы. Наверняка сильный.

На балконе неожиданно появилась светловолосая девушка. Она была в одной лишь клетчатой рубашке, которая прикрывала ей бедра. Судя по всему, рубашка была мужской и принадлежала парню. И потрясающе смотрелась на девушке – как в романтических фильмах, когда героини надевали одежду своих бойфрендов, оставаясь у них дома ночевать. Небрежно и в то же время сексуально.

Парень по-хозяйски притянул к себе девушку за талию свободной рукой и поцеловал. Она тотчас прильнула к нему и обвила руками его плечи.

Целовались они эффектно и жарко, будто актеры на съемках фильма. А я, прикусив губу, смотрела на них. И не понимала, почему сердце так часто колотится.

Может быть, мне захотелось на место той девушки? Чтобы мой поцелуй был таким же романтичным? На закате, с красивым и сильным парнем, который влюблен в меня.

Незнакомец запустил вторую руку в длинные волосы девушки. Поцеловал в шею, сказал что-то на ухо, и она, кажется, рассмеялась. А затем он повернулся в мою сторону и помахал рукой. Они заметили меня!

Я так опешила, что не нашла ничего лучше, как нырнуть в комнату и затаиться у стены. Щеки горели. Мысли путались.

Боже, он все видел! Как же стыдно! И зачем я только стояла и снимала их на балконе?

Я бросилась в свою комнату, окно которой также выходило на соседний дом, и осторожно выглянула из-за шторы. Но на балконе уже никого не было. Парень с татуировками и светловолосая девушка ушли в дом. А я упала на кровать и, кусая губы, стала монтировать видео.

Самолет действительно был вестником перемен.

Только я об этом еще не знала.

Вечером я много раз выглядывала в окно, но на балконе так никто и не появился. А окна квартиры оставались темными.

* * *

Вечером, когда сумерки накрыли город, мне пришлось выйти на улицу – мама попросила купить кое-что в супермаркете, который находился в соседнем доме. Пришлось отложить интересную книгу и одеваться.

– Сдачу себе оставлю! – крикнула я маме прежде, чем захлопнулась дверь и помчалась к лифту, думая, какое мороженое возьму. Я спустилась, пересекла двор и почти дошла до магазина, когда вдруг услышала жалобный писк.

Я остановилась и прислушалась. Писк повторился еще раз, и еще, и еще, а мне словно ножом по сердцу провели. В панике оглядевшись, я заметила коробку рядом с мусоркой, присела с ней рядом и открыла. В коробке лежал маленький котенок персикового цвета. Совсем еще крошка. Он даже мяукать толком не умел – пищал от страха.

– Малыш, кто тебя тут оставил? – прошептала я, осторожно глядя котенка. Почувствовав рядом человека, он затих и доверчиво поднял мордочку. У меня на глазах выступили слезы. – Не бойся, маленький, не бойся...

Господи, кто его выбросил? Как только рука повернулась? И что мне теперь с ним делать? Я очень любила животных и не представляла, как пройти мимо. Если бы я жила в родном городе, то обязательно забрала бы его к себе, даже не думая. Оставила бы у бабушки, а потом нашла бы добрые руки. Только сейчас я не дома, а отчим не разрешит оставить котенка даже на пару дней – он говорит, что у него аллергия на шерсть. Поэтому животным в его доме не место. Ничего, закончу школу и сбегу обратно. Буду жить в своем доме.

Я убрала руку, и котенок снова запищал – испугался, что я уйду. Меня захлестнуло жалостью.

– Не оставлю тебя, малыш, – тихо сказала я, думая, как быть. Нужно напоить и накормить его. И забежать в зоомагазин – купить на всякий случай что-нибудь против блох и глистов, у меня на карте есть деньги, которые я коплю на новый телефон. Унесу котенка домой, спрячу и буду искать кого-нибудь, кто сможет забрать.

– Я тебя заберу и будешь жить под моей кроватью, – ласково сказала я котенку, поднимая коробку. – Главное, пронести тебя мимо мамы...

– Хочешь забрать? – раздался вдруг за моей спиной голос. Я вздрогнула от неожиданности и едва не выронила коробку.

– Что? – резко повернулась я.

Передо мной стоял тот самый парень с балкона. Один, без своей светловолосой подружки, зато с мощным псом на поводке, который намотал на кулак. На сей раз он был в джинсах и толстовке с накинутым на голову капюшоном. И вблизи казался еще красивее, чем издалека.

Темные волосы, коротко выстриженные на висках и удлиненные сверху. Правильные черты лица: четко выраженная линия подбородка, прямой нос, высокий лоб. Бровь пересекает шрам. В ухе серьга. С балкона я этого не заметила.

В его внешности не было приторности и мягкости, скорее дерзость и сила. А еще он казался выше, чем я думала. И крепче. Взрослее.

Незнакомец возвышался надо мной как скала, уставившись в упор тяжелым немигающим взглядом. А я смотрела на него снизу вверх и не знала, что сказать.

– Я спросил – забрать хочешь? – повторил он. Голос глубокий и негромкий. Очень взрослый.

– Не знаю, – растерялась я.

– Раз не знаешь, тогда возьми я, – заявил он и вдруг отобрал у меня коробку. Повернулся и хотел было уйти. Но я перегородила ему дорогу.

– Стой! – возмутилась я. – Там котенок, отдай!

– Знаю. Или ты думаешь, я собираю коробки? – с иронией спросил парень.

– Кто тебя знает, – нахмурилась я. – Слушай, у тебя ведь пес, зачем тебе котенок?

– А тебе зачем? – вопросом на вопрос ответил он.

– У меня пса нет.

– Невероятный аргумент.

Собака, словно услышав, что мы говорим о ней, очень внимательно на меня посмотрела и гавкнула. Котенок тотчас запищал, а парень заглянул в коробку и криво улыбнулся:

– Обед, спокойно.

– Чей обед? – заподозрила я неладное.

– Его, – кивнул на пса парень. Он издевается, что ли?!

– Так, не поняла. Что ты собираешься делать с котенком? – рассердилась я. Смущения как не бывало – только злость. Когда она на меня накатывала, я из спокойной и порою даже робкой девочки превращалась в фурию, которая не всегда следила за языком.

– На обед пушу, не слышала? Отойди, – велел парень.

Он хотел обойти меня, но я раскинула руки по сторонам.

– Не отойду. Отдай котенка, живодерина, – заупрямилась я.

Он изогнул темную бровь.

– Ты в порядке, детка? Отойди, сказал. Или проблем хочешь?

– Это ты, кажется, проблем хочешь, – понесло меня. – Отдай котенка, он живое существо, не игрушка. Его нужно покормить и согреть.

Парень провел костяшками по губам и вдруг склонился ко мне близко-близко – будто собирался поцеловать. От него едва заметно пахло кофе и свежестью ментола. Прищурившись, он спросил:

– Не боишься?

– Кого? – фыркнула я. – Тебя? Нет.

– А стоит.

– Да ты не такой уж и страшный, чувак, – покровительственно похлопала я его по плечу, понимая, что веду себя нагло.

Мышцы на его руке были стальными, и у меня в голове пронеслось, что такими руками только дрова рубить. Или разрывать на части, как Халк.

Он приподнял бровь со шрамом:

– Правда?

– Кривда.

Я попыталась забрать коробку, однако не вышло – разумеется, парень не дал мне этого сделать, – силищи в нем было много, а ума, кажется, недоставало. Котенок опять запищал, а страшный пес парня недовольно заворчал. Ему не понравилось, что к хозяину пристают.

– А ты забавная, – сказал парень без улыбки. Как будто констатировал факт. И этот факт ему не очень нравился.

– Клоуны в цирке забавные. Я тебя по-хорошему прошу – отдай котенка! Я ему хозяев найду.

– Я уже нашел. Себя. Буду его хозяином. Отойти и больше никогда не смей меня касаться, – сказал он так, что внутри меня все похолодело. – На первый раз прощаю.

– А на второй? – дерзко спросила я.

– Второго не будет. Лорд, рядом, – велел парень, сделал насколько шагов, но остановился и сказал: – В следующий раз не пялся так откровенно. Иначе я буду думать, что ты меня хочешь.

Меня словно ледяной водой окатило. Он тоже меня узнал!

– До неба не достает? – спросила я спокойно. В его глазах заплясали дьяволята.

– Даже боюсь спросить, о чем ты, – насмешливо ответил он.

– О самомнении. Наверняка стратосферу пробило, – раздраженно фыркнула я.

– Лучше пробивать стратосферу, чем дно, да, девочка?

– Какая я тебе девочка? За языком следи, пожалуйста, мальчик.

– За моим языком и ты неплохо следила с балкона. Извини, с тобой повторять не стану.

Такие, как ты, не в моем вкусе.

– Можно подумать, мне такие дуболомы нравятся, – обозлилась я.

– Выложишь фото со мной в сеть – попросишься с телефоном. Я предупредил. Только для личного пользования. Наслаждайся.

Это было сказано так уничижительно, что я сжала кулаки. А парень пошел к своему подъезду с моим котенком. Даже не обернулся ни разу, зараза. И что толку, что красавчик? Характер просто ужасный, а уж самодовольства сколько! Надеюсь, котенку этот верзила ничего не сделает.

– Я буду за тобой следить! – выкрикнула я ему в спину. – Что-нибудь сделаешь с котенком, тебе крышка, придурок!

Не дожидаясь, пока он повернется, я бросилась в сторону магазина.

Вернувшись домой, я первым делом пошла в свою комнату и наклеила на окна три листа формата А4. На каждом окне – по слову, которые складывались в короткую фразу: «Отдай кота, дуболом!» Пусть знает, что я за ним слежу. И не расслабляется.

Я думала о нем весь вечер – за ужином, в душе, даже в кровати. Несколько раз вставала и проверяла окна – света в них не было.

Засыпала я с мыслью не о том, что завтра первое сентября, а о том, что, возможно, в этой квартире живет не он, а его девушка. И это почему-то меня расстраивало.

Глава 2. Чужой город

Барс вернулся в квартиру – вечно холодную, полутемную и пустую.

Жить в одиночестве он привык. И, наверное, поэтому забрал к себе из приюта пса – американского стаффордширского терьера, которого еще щенком выкинули на улицу. Когда Барс увидел его фото в соцсети, тот был худым, как скелет, и с испуганными глазами. И напоминал его самого в детстве.

Он пожалел щенка. Зачем-то забрал. Назвал Лордом. Выходил, стал обучать командам, тренировать. Пес изменился – стал большим и сильным. И признал Барса своим полноправным хозяином.

А теперь в их доме появился еще и котенок. Барс услышал его жалобное мяуканье на подходе к дому и сразу решил – надо забрать, пока местные псы не растерзали. Или добрые люди не свернули шею.

Его, правда, опередила ненормальная девчонка с соседнего дома. Невысокая, хрупкая, явно слабая, но ужасно наглая!

Она реально была не в себе. Сначала наблюдала за ним и Викой, когда они целовались на балконе. Еще и на камеру снимала, извращенка. Наверное, ждала продолжения. Он бы устроил это продолжение – пусть смотрит, ему не жалко. Но Вика не захотела. Увела его в комнату и там дала огня.

Потом эта незнакомка не хотела отдавать коробку с котенком, да еще и вела себя так, как никто не смел вести себя с Барсом. Дерзко. Как будто была сильнее.

Дима Барсов, по прозвищу Барс, давно привык считать себя неприкосновенным. Не выше других, но в стороне. Его уважали, боялись и обходили по дуге. Еще бы – гроза всего района, с которым никто не связывался, даже взрослая гопота. Себе ведь дороже. Все знали, что Барс на спорте. И что постоять за себя может.

А девчонка то ли была совсем поехавшей, то ли не понимала, кто перед ней. Сверкала своими синими глазищами в пол-лица и вела себя так нагло, что ему это даже понравилось. Давно Барс так не веселился. Часть девчонок его сторонилась – боялась из-за слухов. Другая часть пыталась соблазнить. Но никто никогда не спорил. И не ставил на место.

Когда она дотронулась до него, его прошиб насквозь разряд тока. Даже дышать нечем стало. И Барса это разозлило. Никто не имел права прикасаться к нему без разрешения. Поэтому он лениво осадил девчонку. Правда, сердитые синие глазища до сих пор стояли перед лицом. А еще – пухлые губы.

Черт, у Вики губы круче. Она ими такое делает, что этой девчонке и не снилось. Пошла она к черту. Дура.

Котенка пришлось помыть специальным шампунем, потом накормить. Снова усадить в коробку – теперь уже на одеяло.

– Будешь Обедом, – сказал Барс, глядя котенка. Тот довольно замурчал. Ему было все равно, как человек станет его звать – главное, что покормил. А Лорд, до этого внимательно наблюдавший за Обедом, заворчал и уткнулся хозяину в ноги теплым носом. Будто хотел сказать: «Смотри, я вообще-то тут. И я лучше, чем эта котьяра».

Спать они завалились все вместе на одном диване. Котенок сделал свои грязные дела прямо на одеяло в коробке и решил, что спать лучше с Барсом. А Лорд, ревнуя, забрался в ноги.

Утром вышедшего из душа Барса встретила впечатляющая надпись на одном из окон напротив.

«Отдай кота, дуболом!» – гласила она.

Когда он увидел это, то от неожиданности чуть не уронил телефон.

Эта девчонка совсем поехала крышей? У нее сезонное обострение или всегда с головой проблемы? Она вообще понимает, кто он?

По ходу, нет.

Ничего, ей объяснят. Потом будет глазки в пол опускать и жаться к стенам. Его все бояться. Она исключением не станет.

...А губы у нее и правда были манящие. И фигурка ничего. Он бы с ней позабавился. Только не будет.

Хорошим порядочным девочкам не место рядом с таким, как он. Пусть найдут себе хороших мальчиков, которые будут дарить им цветы и нежно целовать.

Барс и нежность были понятиями несовместимыми. Он был типичным бэдбоем. Дрался, менял девчонок как перчатки, играл с собственной жизнью в рулетку. И не ждал от людей ничего хорошего. Слишком уж много жести насмотрелся. Да и слабаком не хотел становиться.

Потому что знал. Все хорошие парни – слабые. А слабые всегда в проигрыше.

Но какого черта он все время думает о ее губах?

* * *

Мы целовались как ненормальные.

Тепло его сильных рук, требовательные губы, нежность, пронзающая сердце... От всего этого кружилась голова и не хватало дыхания. Зато в сердце загорались фейерверки.

Это было запретно, но горячо. На мне – лишь его футболка, достающая почти до колен, на нем – джинсы. И нереальное притяжение между нами. До мурашек.

«Полина», – прошептал он мне на ухо, прикусил мочку и поцеловал в шею, заставляя крепче сжать плечи. А затем подхватил меня на руки и закружил по наполненной светом комнате. Обнимая его, я смеялась – чувствовала себя самой счастливой. Знала, что он любит меня так, как никто. И я люблю его.

Мне захотелось назвать его по имени, но я вдруг поймала себя на мысли, что не знаю его.

«Дуболом?» – тихо проговорила я, и в этот же момент меня разбудил истошный вопль будильника. Я распахнула глаза и резко села в кровати, не понимая, почему сердце так часто бьется, а губы горят, будто от реального поцелуя.

Почему мне вообще приснилось, что я целуюсь с этим странным типом?! Он же неадекватный!

Я подошла к окну – небо за ним было низким и хмурым, видимо, собирался дождь. Интересно, почему каждое первое сентября такое тоскливое? Не помню ни дня, когда на дворе стояла бы хорошая погода. Может быть, природа скорбит о тех, кому суждено идти на учебу?

Что ж, пора собираться, нельзя опаздывать в первый учебный день в новой школе.

Да, я – новенькая. И, наверное, буду единственной новенькой одиннадцатиклассницей. Никогда бы не подумала, что мы уедем и что последний год я проведу в другом городе. Не уверена, что найду тут друзей – в старшей школе компании уже сложены, чужих не особо любят.

В переезде был виноват отчим. Это был его родной город, в котором он родился и жил. Работал на руководящей должности в какой-то крупной компании, находился в браке, имел детей. Однажды его перевели в филиал в нашем городе, где он и встретил маму. А теперь ему нужно было вернуться – тоже из-за работы. Его крупно повысили. И одним июльским вечером он поставил нас перед фактом – мы переезжаем за тысячу километров.

Я упрашивала маму разрешить мне остаться хотя бы на год, чтобы закончить родную школу, но она была непреклонна. Сказала, что мы должны ехать следом за главой семьи. Глава семьи! Как будто бы этот незнакомый мужчина мог стать мне семьей! Мы с самого начала

были чужими друг для друга и соблюдали нейтралитет лишь ради мамы. Я чувствовала, что не нравлюсь Андрею, а он раздражал меня своими манерами и холодностью.

Я твердо решила – отучусь здесь год, как и обещала, но поступать буду в родном городе. Подаю документы, чтобы мама не знала, а потом просто уеду. Мне исполнится восемнадцать, а значит, я сама буду решать, где и с кем жить. Вернусь к бабушке по папе. Она уже знает об этом плане и ждет меня. К тому же у нее остался мой кот Зайчик. Андрей предложил отдать его каким-то своим знакомым, но я не согласилась. Это мой кот, и я не собираюсь его никому отдавать!

Я заправила постель, умылась, привела себя в порядок и даже слегка подкрасила ресницы, брови и губы. А после тоскливо уставилась на форму, висевшую на стене. Темно-синяя плиссированная юбка ниже колен, белая блузка, пиджак с нашивкой в виде школьного герба и галстук.

Эта форма была парадная, а кроме нее имелась еще и повседневная – разрешалось носить платья, юбки, брюки, сарафаны и жакеты темно-синего или черного цветов, а еще светлые блузки и водолазки. Кроме того, было много других ограничений, например, колготки могли быть только телесного цвета, туфли – только закрытые и с каблуком до семи сантиметров, а маникюр – только бесцветный.

В моей прежней школе тоже придерживались делового стиля, но без таких ограничений, и для меня все это было в новинку.

Ладно, если честно, я жутко нервничала.

Мне до сих пор не верилось, что я не смогу доучиться со своими ребятами, что не сяду за одну парту с Ирой, своей лучшей подругой... Она так плакала, когда мы прощались... Да я и сама ревела – отпускать привычную жизнь было нелегко.

Ничего, это продлится всего год. И я вернусь.

– Полин, ты скоро? – заглянула в комнату мама. – Беги скорее завтракать, а то опоздаешь!

Я все же надела форму и посмотрелась в зеркало. Почему японские школьницы в своей форме выглядят как королевы юности, свежести и красоты? А я – как малолетка, хотя мне уже почти восемнадцать!

Мне всегда хотелось выглядеть как модель – тонкое лицо, острые скулы, кошачьи глаза и, конечно, высокий рост! Идеалом для меня была двоюродная сестра Маша, которая работала моделью и в Азии, и в Европе. Она всегда в шутку называла меня Babyface и говорила, что у меня «очаровательное детское лицо». А мне оно совершенно не нравилось! Большие щеки с ямочками, большие глаза, пухлые губы и вздернутый нос – ну какая это модель?! «Ты просто ничего не понимаешь, зая, – отмахивалась от меня Маша. – Типаж бейби-фейс покоряет мир». А я отвечала на это, что пока даже ни одного парня еще не покорила. И не покорю – с таким-то лицом! Единственное, что мне в себе нравилось, так это цвет глаз – синие, как у папы. И длинные ресницы – это уже спасибо маме.

Наверное, неприятие себя началось с детства.

Тогда меня часто обзывали Лягушатиной из-за торчащих лопаток и пухлых губ. Особенно часто дразнились братья-соседи Сашка и Игорь Степановы. Они доставали меня день и ночь, и однажды папа услышал это. Но не стал их ругать, лишь спокойно поговорил. Не знаю, какие слова нашел папа, но братья подошли ко мне и смущенно извинились, а после стали ходить за мной по пятам и называть себя моими охранниками.

Со Степановыми я подружилась, и, наверное, общалась бы до сих пор, если бы они не переехали, когда Игорь учился в четвертом классе, а Саша – в пятом. По иронии судьбы – в этот же город. Было бы здорово встретить их, но не думаю, что это случится. Какова вероятность встретить кого-то посреди миллионного города? Почти никакой. А если бы мы и встретились, то, возможно, не узнали бы друг друга. Связь с ними была безвозвратно потеряна. Дружья детства – не значит дружья навсегда.

Завязав волосы в хвост, я направилась на кухню. Работал телевизор и вкусно пахло выпечкой. Андрей, мой отчим, уже сидел за круглым столом и сосредоточенно читал газету.

– Доброе утро, – сказала я, и он лишь кивнул в ответ. Обычно он меня не замечал.

Мама, напевая, готовила завтрак. Она каждый день готовила для Андрея и говорила, что делает это с удовольствием, хотя до второго замужества терпеть не могла готовку. И раньше я готовила чаще, чем она. Но теперь все стало иначе.

Иногда мне казалось, что мама растворяется в Андрее, а он снисходительно позволяет ей это делать.

– Садись, солнышко, – улыбнулась мама. – Я сырники сделала, как ты любишь. С вишневым джемом!

– Я не люблю сырники, – тихо сказала я. – Это Андрей их любит. Я люблю оладьи, а творог терпеть не могу!

– Ну хватит тебе ерничать, – ничуть не обиделась мама и погладила по волосам. – Кушай скорее, тебя Андрей отвезет. Первый день в школу – опаздывать нельзя!

В ответ я лишь кивнула. Моя старая школа находилась прямо через дорогу от нашего дома, а до новой нужно было идти минут пятнадцать. На машине можно добраться куда быстрее.

– Не дуйся, – добавила мама и снова улыбнулась, и я не смогла не улыбнуться ей в ответ. – И не бойся, все пройдет хорошо! Вот увидишь, Полинкин, новая школа тебе понравится! Кстати, тебе кофе или чай? Андрей, а тебе еще кофе сделать? Сейчас все будет!

Когда мама была в хорошем настроении, то напоминала солнышко – ее глаза светились теплом и заботой, и сама она будто сияла. Она была красивой блондинкой моложе своих лет – тоненькой, женственной, какой-то летящей, энергичной и все успевающей. Мама вышла замуж за папу в девятнадцать, в двадцать родила меня, не бросив учебу в университете, потом работала в банке, занималась йогой и какими-то восточными духовными практиками, и все было хорошо, пока не ушел папа.

И тогда из нее будто вынули батарейки. Солнце погасло.

Несколько лет она была в депрессии, ничего не делала – просто лежала на кровати, забыв обо всем на свете. Мною по большей части занималась бабушка. Лишь постепенно с помощью специалистов мама смогла вылезти из депрессии. Устроилась на работу, вновь стала ухаживать за собой. И встретила Андрея.

Я училась в девятом классе, когда это случилось. У них был бурный роман – Андрей дарил ей подарки, водил всюду и отвозил за границу. Мне он каждый раз приносил шоколад, и всегда – горький, который я не любила.

Он не понравился с первого взгляда, хоть и не сделал мне ничего плохого. Меня отталкивали его холодность и самоуверенность. А может быть, я просто ревновала.

Как бы там ни было, я хотела, чтобы мама была счастлива после стольких лет горя. И я ни слова не говорила против Андрея. А когда мама спросила меня, как я отношусь к тому, что он будет жить с нами, я, натянув улыбку, сказала, что хорошо. Зато бабушка не молчала. Новый мамин мужчина ей не нравился, и она высказала маме все, что о нем думает. Что он скользкий тип, высокомерный и сам себе на уме. Из-за этого они поругались.

Однажды я пришла со школы пораньше и услышала, как они ссорятся – бабушка, которая жила в соседнем доме, зашла к нам в гости.

«Этот твой Андрей изменял своей жене! Зачем тебе такой мужик, Дана?» – громко спросила бабушка.

«Вы намекаете, что я его из семьи увела?!» – выкрикнула мама.

«Не намекаю, а говорю прямо! Он детей из-за тебя бросил!»

«Они развелись еще до того, как мы стали встречаться! – рассердилась мама еще сильнее. – Что вы несете, Светлана Ефимовна? Вы просто не можете мне простить, что я снова пытаюсь быть счастливой! Что не проживу до конца дней вдовой!»

«Дура ты, Данка! Вот как есть дура. И всегда ею была. Делай что хочешь. Ломай свою жизнь! Только Польшку мою не трогай!» – распалась и бабушка.

«Я сама знаю, как ее воспитывать».

«Да ничего ты не знаешь!»

«Вы меня всегда ненавидели! Как только узнали, что ваш сын мне предложение сделал, в лице переменились! Хотели себе другую невестку, чтобы из обеспеченной семьи была, а Миша привел домой меня! Я все помню!»

Они еще долго ругались, со вкусом, а я, чтобы не слышать их криков, тихонько ушла из квартиры и сидела этажом выше, пока бабушка не ушла. Больше она к нам в гости не приходила, и с мамой они так и не помирились.

– Полинкин, кушай скорее, Андрей тебя ждет, – поторопила меня мама, пока яковыряла вилкой сырник. Есть абсолютно не хотелось. Слишком сильно я волновалась перед школой.

Мама села за стол и положила руку на плечо Андрея.

– Знаешь, милый, я тут видела объявление – в салон неподалеку требуется на полставки администратор. Может быть, я устроюсь? Работа хорошая и рядом совсем. Как тебе?

Отчим отложил газету и внимательно посмотрел на маму. Ее улыбка почему-то погасла.

– Зачем тебе работа, Дана? – спросил он, выдержав паузу. – Тебе не хватает денег? Я, кажется, нормально зарабатываю.

– Ну что ты, конечно хватает, – смутилась мама. – Просто мне скучно. Хотелось бы чем-то заняться.

– Дорогая, у мужчины должна быть возможность обеспечивать свою женщину. У меня такая возможность есть. И я не хочу, чтобы ты тратила время на бесполезную работу.

– Но, Андрюш...

– Дорогая, я понимаю, что этот город для тебя незнакомый, что у тебя тут никого нет. Но это не повод, чтобы искать работу. Лучше развейся, прогуляйся по магазинам, сходи в салон или в фитнес-центр. Со временем ты найдешь себе подружек и одиноко тебе не будет. К тому же я всегда с тобой рядом.

– Да, ты прав, милый, – кивнула мама и снова улыбнулась, а я нахмурилась.

Что за идиотская позиция? Если женщина хочет работать – это ее право. И вообще, зачем мама спрашивает у него разрешения? Глупости какие.

– Я просто забочусь о тебе, – сказал отчим, встал из-за стола, поцеловал маму в щеку и ушел в прихожую.

– Мам, если ты хочешь на работу – иди, – нахмурившись, сказала я. Она удивленно посмотрела на меня.

– Я не хочу, малышка.

– Это Андрей не хочет.

– Он заботится обо мне, – повторила его слова мама. Мне больших трудов стоило не закатить глаза.

– Мам, ты вообще не должна спрашивать его разрешения. Понимаешь?

– Иди одеваться, – резко сменила тему мама. – Не заставляй Андрея ждать. И обязательно напиши мне, как прошла линейка. Ах да, цветы не забудь!

Она вручила мне букет желтых роз, которые предназначались для классной руководительницы. И я поспешила выйти следом за Андреем, которому уже позвонил зам, чтобы решить какие-то очередные важные вопросы.

Мы сели в его черный «мерседес», и мне вдруг показалось, что на нас кто-то внимательно смотрит. Только кто, я не поняла.

По дороге я переписывалась с Ирккой и девчонками в общем чате. Жизнь у них бурно кипела – они присылали мне фото с линейки, а мне оставалось лишь кусать губы.

Отчим всю дорогу разговаривал по телефону – обсуждал какие-то кадровые перестановки. Он вообще производил впечатление трудоголика. Иногда мне казалось, что его ничего в жизни не интересует, кроме работы. Ну и конечно, моей мамы.

Почему он влюбился в нее, я понимала – мама была красива и женственна. А вот почему она полюбила его, для меня оставалось загадкой.

С виду он казался симпатичным взрослым мужчиной в очках и вечных деловых костюмах. Следил за собой, занимался спортом. Однако был холодным, сухим и скучным. Редко шутил, еще реже смеялся. Всегда действовал четко по правилам. И был правильным до одурения. Ему не нравилось, когда другие не слушали его, собственная точка зрения считалась единственно верной. Да, Андрей был умным, даже имел какую-то ученую степень, но отталкивал презрительным взглядом, в котором читалось, что весь мир ему должен. Нелюбовь к животным стала для меня решающим фактором.

– Приехали, – сказал Андрей, останавливаясь неподалеку от огромного серо-белого здания, обнесенного забором. Это и была школа – недавно отстроенная, современная и пафосная. Мама, сияя от радости, сказала, что попасть туда было сложно, но нам повезло! Директор – давний приятель Андрея, с которым они вместе учились в университете. И он легко устроил меня в эту крутую школу. Он вообще любил решать вопросы через знакомых.

– Спасибо, что довез, – ответила я вежливо и вышла из машины.

Андрей вдруг открыл окно и высунулся:

– Ты цветы забыла, – сообщил он и протянул мне букет, который я тотчас прижала к себе. А затем – еще пару крупных купюр.

Я удивленно на него взглянула:

– Зачем?

– На карманные расходы. Сходи куда-нибудь после линейки.

Я взяла деньги и уже хотела было поблагодарить отчима, как он добавил:

– Займи себя часов до восьми.

– В смысле? – не поняла я.

– Мы с твоей мамой будем заняты. Хочу сделать ей сюрприз и привести в гости коллег по работе. Тебе будет скучно со взрослыми, – ответил Андрей, закрыл окно и уехал. А я осталась одна под накрапывающим дождем и с большими на тот момент для себя деньгами.

Что? Seriously? Он хочет, чтобы я до вечера не появлялась дома из-за гостей? А что мне тогда делать? Сидеть в кафешке или бродить по незнакомым улицам в непогоду?

Вот придурок!

Я смяла купюры, сунула в карман пиджака и поспешила к школьным воротам, к которым стекались школьники и их родители.

Глава 3. Новая школа – новые неприятности

Полина направилась в сторону школы, не зная, что за ней наблюдают трое парней и одна девушка, сидящие в спортивной машине неподалеку. Все они были из одной компании. За рулем – студент, остальные – одиннадцатиклассники, которые при этом выглядели так взросло, что никто бы и не сказал, что они ходят в школу. Их выдавала форма элитной гимназии.

– Хочу знать о ней все. У кого в этой школке кенты есть? – спросил блондин с модным пучком на голове, неотрывно наблюдая за Полиной. Лицо его можно было назвать красивым, даже смазливym, но все портил жесткий взгляд исподлобья. Как у волчонка, который вот-вот станет настоящим волком.

– У меня, – отозвался кудрявый шатен. – Пробить, кто такая?

– Пробей. У моего папочки появилась новая дочурка, ей нужно устроить веселую жизнь, – зло усмехнулся блондин.

– Да без проблем, Лайм, устроим. У меня тут дружбан есть хороший. Напишу ему, все узнает.

– О Сашке забыл, а эту до школы довозит. Цветы дает. Бабки, – нехорошо сощурился блондин. Его переполняли обида и ярость.

Сашка была его младшей сестрой. Отец мало того, что бросил их с матерью из-за какой-то бабы, так еще и про день рождения родной дочери забыл. Она вчера ревела весь вечер, потому что папа не пришел и даже не позвонил. Опомнился отец лишь поздно вечером, когда ему мать написала.

Сегодня Лайм решил лично поговорить с отцом перед школой. Приехал с друзьями к его новому дому, но увидел, что отец не один, а с этой светловолосой невысокой девкой. И решил проследить.

К дочурке своей новой бабы отец относился лучше, чем к родной дочери. Сашку-то он в школу ни разу не отвозил. И его самого – тоже. Ну не урод ли? Просто конченная тварь. И мать столько страдала, и сестра теперь тоже.

Ненависть просто переполняла парня, и он решил отыгаться – не на отце, а на этой девке. Заслужила.

– Успокойся, котик, – положила ему на колено ладонь черноволосая девушка, сидевшая рядом на заднем сиденье. – Зачем она тебе?

– Я хочу поиграть с ней. Назло отцу.

– Лучше поиграй со мной, – потянулась к нему за поцелуем брюнетка, и парень, небрежно взяв ее за подбородок, поцеловал. Коротко и глубоко. По-взрослому.

– С тобой я готов играть вечно, – прошептал ей на ухо блондин, и машина тронулась.

– Смотрите, Барс! – вдруг воскликнул шатен и достал телефон – чтобы снять на камеру высокого широкоплечего парня с наушниками в ушах, который шел к школе.

Формы на нем не было – обычные джинсы, футболка и рубашка.

У Лайма на лице отразилась ненависть.

– Это тот тип, которому ты проиграл на прошлых гонках? – весело спросил водитель.

– Заткнись, – велел блондин.

– А он ничего, разворот плеч впечатляет, – хищно улыбнулась брюнетка, разглядывая Барса.

Блондин моментально пришел в бешенство.

– Еще одно слово – и я тебя из тачки выкину, поняла?

– Я просто шучу, милый, – рассмеялась девушка.

– А я не шучу. Не смей при мне говорить, что этот урод лучше.

Проигрывать он не любил. И не умел.

* * *

Новая школа была огромной – трехэтажное здание, окруженное со всех сторон новостройками. Стадион, тренажеры, футбольное поле, волейбольная и баскетбольная площадки, много лавочек, качели под навесом и много ухоженной зелени.

Несмотря на мелкий дождик, линейку проводили во внутреннем дворе, где соорудили небольшую сцену. Атмосфера на удивление была точно такой же, как в моей старой школе.

Шарики, цветы, веселая музыка – что-то про то, с какой радостью мы бежим в школу. Нарядные первоклашки с бантами, галстуками и букетами. Учительницы в строгих костюмах с табличками, на которых были написаны названия классов. Вальяжные старшеклассники в форме со смартфонами в руках. Родители на заднем плане, обсуждающие важные темы.

Я в недоумении остановилась, пытаюсь понять, где в этой огромной шумной толпе может быть мой класс – одиннадцатый «А». Сориентироваться помогла какая-то учительница, подсказав, в какую сторону идти, и после недолгих поисков я нашла свою классную руководительницу – опознала по табличке в руке. Она была молодой – явно лишь недавно закончила педагогический вуз. Высокая, стройная и с темным каре. Если переодеть ее в форму, то не отличить от старшеклассницы.

– Ты, должно быть, Полина Туманова? – радостно спросила она, увидев меня.

– Да, здравствуйте.

– Я – Ольга Владимировна, твой новый классный руководитель и учитель по математике. А это – твои будущие одноклассники. Познакомьтесь в классе. Вот, вставай сюда. Скоро начнется торжественная линейка.

На меня тотчас обернулись все будущие одноклассники. И разглядывали так пристально и оценивающе, что мне стало не по себе. Потом стали шушукаться. Разумеется, им интересно, что за новенькая пришла в их класс. Однако взгляды я вытерпела. Пусть себе смотрят, я с них за это деньги не возьму...

Я уже думала, что простою всю линейку в гордом одиночестве, но ко мне подошли две девушки. На их лицах были дружелюбные улыбки. Я внутренне выдохнула.

– Ты к нам из какой школы? – с любопытством спросила хорошенькая брюнетка с раскосыми глазами.

– Перевелась из другого города, – улыбнулась ей я.

– Ого, ничего себе! А ты смелая, раз решила поменять школу в выпускном классе! – удивленно сказала вторая девушка с короткими рыжими волосами и россыпью веснушек на круглом лице с ямочкой на подбородке.

– Родители поменяли работу, пришлось переезжать, – расплывчато объяснила я.

– Вот оно как! Тебе у нас понравится, – уверенно заявила брюнетка. – Наша школа – просто огонь! Все новенькое, удобное! У каждого свой шкафчик, карточка-пропуск, дополнительные курсы по желанию!

– Есть бассейн и классные тренажеры, – подхватила рыжая. – Меня, кстати, Милана зовут.

– А меня Дилара.

– Полина, – представилась я.

– Полин у нас в классе еще не было! Куда поступать хочешь после школы? – спросила Дилара с интересом. Кажется, на линейке ей было скучно.

– Еще точно не решила, но мне интересна реклама. Хотелось бы работать в диджитал-сфере. Интернет-маркетологом или SMM-менеджером, – ответила я. Хотя на самом деле мне было все равно, на кого именно я буду учиться. Главное – поступить в вуз в родном городе. На бюджет.

– Круто! Я хочу уехать в Питер и поступить на дизайнера, – сказала Милана. – Это моя мечта – жить в Питере и заниматься творчеством. Весь год буду пахать, чтобы свалить отсюда.

– А я в мед пойду, как родители, – вздохнула Дилара. – Они мечтают, что я продолжу их дело – у них своя стоматологическая клиника есть. А мне это вообще неинтересно. Так что я даже стараться с экзаменами не буду. Устроят меня на платку, и все.

– А на самом деле кем бы хотела стать? – спросила я.

– Не знаю, – чуть подумав, ответила она. – Знаю только, что кем угодно, только не врачом. Ой, не хочу даже обсуждать это! Как тебе наш город?

– Вроде красивый, – сдержанно сказала я. Судить было сложно – я нигде еще не была. А спальные районы везде были одинаковыми – от Москвы до Улан-Удэ.

Пока громко играла праздничная музыка, мы разговорились – об учебе, каникулах, поступлении, и мне стало немного легче. Милана и Дилара казались неплохими девчонками. Мы так заболтались, что не сразу поняли, что сейчас начнется торжественная часть. Впрочем, мы были такими не одни. Галдели все вокруг, как это обычно бывает на линейке в честь первого сентября, когда встречаются одноклассники, не видевшие друг друга три месяца.

А я своих больше не увижу... Если только на встрече выпускников.

– Ребята, тише, пожалуйста, сейчас директор будет выступать! – громко попросила Ольга Владимировна.

Общими усилиями учителям удалось уговорить школьников, и во дворе наступила относительная тишина. На сцену взошли две серьезные женщины и вальяжный мужчина средних лет в костюме-тройке. Два завуча и директор. Минут десять они по очереди торжественно вещали о том, как рады началу нового учебного года и надеются, что мы рады не меньше. И, разумеется, они верят, что мы приложим все силы для получения новых знаний. Особенные надежды они возлагали на выпускников. В общем, ничего интересного – все так же, как и в старой школе, только директором у нас была женщина.

После выступления администрации снова зазвучала пафосная музыка.

– Это гимн школы, – пояснила Дилара.

– Прямо как в Хогвартсе, – хихикнула я.

– А то! У нас директор фанат Гарри Поттера, мы его в шутку Дамблдором называем, – зашептала Милана. – Он даже клуб организовал для любителей ГП.

Учителя и ученики принялись невпопад петь гимн. Я слов не знала, а потому молчала. Дилара тоже молчала – только лениво открывала рот. А Милана пела громко и с чувством, не попадая ни в одну ноту. Кажется, она делала это специально, и классной, в конце концов, пришлось сделать ей замечание.

После гимна начались выступления учеников – кто-то пел песни о школе под гитару, кто-то танцевал традиционный вальс, а кто-то разыграл целую сценку. Но школьников это не особо впечатлило. Все с нетерпением ждали окончания торжественной части.

Я стала смотреть по сторонам и вдруг увидела знакомое лицо.

Позади всех стоял Дуболом собственной персоной. Без формы – в расстегнутой клетчатой рубашке, под которой пряталась футболка, джинсах, кедах и найковским рюкзаком на плече. Он лениво подпирал плечом стену и смотрел в экран телефона. Рядом стояли двое парней и разговаривали.

Я оторопела. А этот-то что тут делает? Неужели тоже ученик? Выглядит взрослее, чем старшеклассник. Я думала, уже студент. Ну не учитель же он, верно? Может быть, чей-то старший брат?

Дуболом неожиданно поднял голову. Я не успела отвернуться, и наши взгляды встретились. Он нагло мне подмигнул.

Взрыв. В моей голове, разумеется.

Я вдруг услышала стук собственного пульса в ушах и почувствовала, как приливает к щекам кровь.

Увидев мое смущение, он самодовольно улыбнулся, и я резко отвернулась. А потом вдруг подумала – чего это я? Подумаешь, встретились взглядами! На него что, смотреть запрещено? Он местная достопримечательность и охраняется законом? Наверняка ведь решил, что я какая-то дурочка, которая только и умеет, что пялиться! Надо исправить ситуацию. Срочно!

Я повернулась к нему вновь и поняла, что парень продолжает разглядывать меня с непонятной хищной улыбочкой. Как победитель – проигравшую. Или как хищник – добычу.

Но проигравшей, а тем более добычей, я быть не хотела. Собралась с силами и нагло кивнула ему, безмолвно спрашивая, что нужно?

Парень вопросительно поднял бровь и ткнул себя пальцем в грудь. Будто спрашивая: «Мне?» Я закатила глаза и кивнула. Тебе, тебе, милый. А потом быстро выхватила телефон, написала в заметках: «Отдай кота», увеличила на весь экран и показала ему.

Он поморщился и помахал пальцами в воздухе – мол, отвернись, дура. И заулыбался.

Я разозлилась и не нашла ничего лучше, чем показать ему средний палец.

Улыбка сползла с его лица. Дуболом постучал по лбу, явно спрашивая, все ли со мной в порядке. И получил второй средний палец.

Держи, фашист, гранату.

Его друзья увидели это и заржали. Дуболом устало закрыл ладонью глаза, а я вдруг наткнулась на неодобрительный взгляд учительницы со строгим пучком на голове, которая проходила мимо. И я тотчас опустила руки. Черт! Как же неловко... Надеюсь, она у меня ничего преподавать не будет.

Я отвернулась, чувствуя, как на щеках появляется краска. Слава богу, ни Дилара, ни Милана, ни другие мои новые одноклассники ничего не видели. Наблюдали за шоу с мыльными пузырями.

И все шло хорошо до того момента, пока Дилара вдруг не обернулась.

– Смотрите, Барс пришел! – сказала она.

– О боже!

Милана и стоящие рядом девчонки завертели головами, ища неведомого мне барса. Подозреваю, что барс был не снежным, а вполне себе обычным. Наверное, прозвище какого-то парня. Местного короля школы, не иначе, не то бы в голосе девчонок не было столько придыхания.

– Где он, где? – спрашивали они.

– Да вот он, позади, с Валуевым и Костровым! Глаза разуйте! – прошипела Дилара.

– Какой же он классный. За лето еще подтянулся. И в плечах шире стал... – выдохнула Милана.

– Он же на спорте. Говорят, еще гонками увлекается, – сказал кто-то из девчонок. – Уделал типов из гимназии.

Не поняла, они о Дуболоме, что ли, говорят?

На моем лице сама по себе расплылась ухмылка. Ох ты, какие мы крутые. Гоночками увлекаемся.

– Кстати, говорят, Барс с Настей расстался! – заговорщицки заявила Милана. – Бросил ее.

– Теперь с Викой из одиннадцатого «Б» встречается, – повернулась к нам стоящая впереди девушка с пшеничной косой и прямоугольных очках.

– Со Стояновой, что ли? – охнула Дилара. – Ничего себе! У нее же парень был!

Наверное, Вика – это та самая девушка, с которой я видела Дуболома на балконе. Видать, он тут местный мачо.

– Бросила ради Барса, – закивала Милана. – Настя ведь тоже своего Пашку в начале лета бросила ради Барса, хотя они с девятого класса были вместе! Я слышала, что Пашка собрал пацанов и позвал Барса на разборки.

– И что?! – хором выдохнули девочки.

– Проиграл! Лежал в больнице с переломом руки. Только сказал всем, что просто упал неудачно. Но все знают – это Барс его уделал. – В голосе Миланы прозвучало уважение.

– Кто это такой? – спросила я с удивлением.

– Король школы. Парень, с которым нельзя связываться, – прошептала Дилара с непонятным мне восторгом. – В нашей школе он самый опасный. Самый сильный.

– И самый крутой, – встряла Милана. – Его все боятся. Даже по имени не называют.

– Как Волдеморта? – вырвалось у меня.

Девочки переглянулись и хихикнули.

– Почти. Для всех он – Барс. Типа по имени его могут только самые близкие называть.

– А учится в нашем классе, представляешь, Полин?

Представляю.

От этой информации у меня аж земля ушла из-под ног. Значит, сейчас я средний палец показала самому опасному парню в школе? Это шутка такая? Дуболом – местный хулиган номер один?

– А как его зовут-то все-таки?

– Дима Барсов, – продолжала Дилара. – Дерется лучше всех. Любому зад надрать может. Говорят, даже в воспитательной колонии был.

Я похолодела.

– У него папаша какой-то влиятельный бизнесмен, бывший бандит. И сын весь в него, – продолжала со вкусом рассказывать новая одноклассница. – Девчонки по нему с ума сходят. Плохой парень, да еще и красавчик. Только он их как перчатки меняет.

Так, пожалуй, уберу-ка я с окошка требование отдать кота. Мало ли. Как говорится, береженого бог бережет. К черту Дуболома. Я хочу спокойно проучиться этот год в школе, и неприятности мне не нужны.

– Девочки, вы замолчите или нет? – обернулась на нас Ольга Владимировна. – Некрасиво себя ведете.

Мы замолчали и тоскливо уставились на одиннадцатиклассника, который нес на плече маленькую первоклашку со звонком в руках. Торжественная часть завершилась, и мы направились в класс. Я старалась держаться поближе к учительнице, изредка посматривая по сторонам. Барса поблизости не наблюдалось. Может быть, сбежал со своими друзьями? Надо поменьше попадаться ему на глаза во избежание неприятностей.

Нас провели по широким чистым коридорам в класс – большой, светлый и уютный. Одна стена оказалась темной, контрастной, и на ней были изображены формулы и графики. На окнах висели симпатичные жалюзи. Рядом с обычной доской находилась интерактивная – на обеих было написано: «С 1 сентября!»

Положив букет роз на стол учительницы, я села впереди Дилары и Миланы за первую парту первого ряда – одно из немногих свободных мест. По традиции сидеть впереди всех, да еще и рядом с учительским столом, желающих было не так уж и много.

Моей соседкой оказалась та самая девушка с пшеничной косой и в очках.

– Наташа, староста класса, – протянула она мне руку. Как официально.

– Полина, приятно познакомиться, – пожала ее я и вытащила дневник. Барс так и не появился, и я облегченно выдохнула.

Дождавшись, когда ученики займут свои места, Ольга Владимировна еще раз поприветствовала всех и сказала несколько слов о важности этого года.

– В нашем классе появилась новенькая, – наконец сказала она. – Давайте поприветствуем ее. Полина, выйди, пожалуйста, к доске. Расскажи о себе.

Пришлось подчиниться. Я встала у доски, чувствуя на себе взгляды, и сказала:

– Привет, меня зовут Полина Тума...

В это время дверь без стука распахнулась, и на пороге появились Барсов и два его дружка.

– Здравствуйте, – глядя почему-то на меня, сказал Дуболом.

– Здравствуйте, мальчики. Вы почему опоздали? – нахмурилась Ольга Владимировна.

– Потерялись, – нагло ответил его дружок хулиганского вида с коротко стриженными волосами. Он казался чуть ниже ростом, но его плечи были уверенно расправлены, а на лице застыла дерзкая ухмылка.

– Забыли, где родной класс находится? Бедные. И как же нашли дорогу? – строго спросила учительница.

– Нам подсказали, – заявил второй дружок – с выкрашенными в белый цвет волосами.

– Замечательно. Раз добрались, займите свои места, – велела Ольга Владимировна.

Парни прошли мимо меня к проходу, и Барс, скотина такая, задел меня своим рюкзаком, который небрежно висел на его плече. При этом обернулся и нехорошо на меня посмотрел, как будто бы это я его толкнула! Я не опустила глаза – выдержала его тяжелый взгляд исподлобья.

– Так, стоп, Барсов, почему ты не в форме? – остановила его учительница.

– Забыл, – насмешливо взглянул на нее парень.

А голову ты не забыл?!

– Надеть?

– Купить. Старая форма не подходит. Знаете, подкачался за лето, все такое.

– Если ты завтра придешь не в форме, к занятиям допущен не будешь, Дима, – спокойноотреагировала Ольга Владимировна. – Ты знаешь правила. В нашей школе все равны.

– Равенство – это утопия. Вы сами в это верите? – спросил Барс. Боже, он действительно ведет себя как король школы.

– Я верю в то, что, пока некоторые из нас ведут себя так, как им вздумается, никакого равенства не будет. Сядь на свое место, Барсов.

Парень одарил учительницу веселой улыбочкой и направился к одному из своих дружков за четвертую парту на втором ряду. Тот протянул ему руку, и они стукнулись кулаками.

Классная кивнула мне:

– Полина, продолжай. Расскажи нам о себе.

Взгляды одноклассников переметнулись с Барса на меня. Я прочистила горло и снова начала:

– Всем привет! Меня зовут Полина Тума...

Меня прервал телефонный звонок. Из динамиков чьего-то телефона раздался жесткий нецензурный рэп с качовым битом и брутальными басами – такими, будто гудел мотор тачки класса люкс.

Все с той же самоуверенной ухмылкой Барс вытащил телефон – разумеется, звонили ему. И под грозным взглядом классной руководительницы отключил его.

– Барсов, ты же знаешь, что пользоваться смартфонами на уроках запрещено, – железным тоном произнесла она.

– А у нас сейчас не урок, Ольга Владимировна, – отозвался он.

– У нас классный час. Пожалуйста, выключи звук.

– Да вообще без проблем.

Барс спрятал телефон и уставился на меня с широкой улыбкой как у Чеширского кота. Мне стало не по себе.

– Полина, продолжай, – вздохнула классная и глянула на наручные часы с тонким кожаным браслетом.

Я снова собралась с мыслями и силами:

– Меня зовут Полина Тума...

– Ольга Владимировна, можно выйти? – перебил меня в третий раз этот мерзкий Дуболом. Он лениво тянул руку вверх. Его друзья откровенно ржали.

– Да ты достал, – вырвалось у меня от неожиданности. – Дай закончить!

На меня уставились с еще большим интересом, нежели прежде. Кто-то смотрел с удивлением, а кто-то – с сожалением, мол, вот дура, зачем вякаешь? А улыбка развалившегося на стуле Барса стала еще шире.

– Заканчивай. Могу помочь, если у самой не получается, – дерзко сказал он. Класс тотчас грохнул от смеха. До меня не сразу дошел смысл его тупой шуточки, однако когда я поняла, то аж покраснела.

Ольга Владимировна громко постучала кулаком по столу. Кажется, она разозлилась.

– Класс, тихо! Барсов, веди себя воспитанно. Выйдешь после того, как представится твоя новая одноклассница.

– А если не дотерплю? – поинтересовался он.

– Швабра тебе в помощь, – свела брови к переносице учительница и перевела взгляд на меня: – Продолжай.

– Я – Полина Туманова, переехала к вам из другого города, – торопливо продолжила я. – Надеюсь, что мы подружимся.

– Ну, это вряд ли, – услышала я надменный женский голос. Эффектная тоненькая девица с копной каштановых волос. Несколько девчонок – видимо, ее подружки – засмеялись. Сразу понятно, кто тут «самая популярная девчонка в школе».

– А я бы подружился, – раздался веселый мужской голос.

Он принадлежал симпатичному рослому парню с удлинненными светло-русыми волосами, чья стрижка напоминала стрижку Лео Ди Каприо в «Титанике» – такой же аккуратный пробор посредине и прядки, падающие на лоб. Парень сидел за второй партой на третьем ряду и выглядел он так, будто только что сошел с видео в Тик-токе. Чистая кожа, ослепительная улыбка, идеально белые зубы.

– Новенькая, ты классная, – продолжал парень, оценивающе меня разглядывая.

– Ты тоже ничего, – вынуждена была ответить я. И у девицы с каштановыми волосами глаза едва не загорелись алым. Кажется, местный Ди Каприо ей нравился.

– Обменяемся телефончиками? – не отставал парень.

– Так, тихо, – постучала указкой по столу Ольга Владимировна. – Личные вопросы будете решать на перемене. Полина, хочешь сказать что-нибудь еще?

Я помотала головой.

– Тогда иди на свое место.

Дважды мне повторять не пришлось – я быстренько опустилась на стул рядом со старостой.

– А ты смелая, – уважительно сказала она мне. – Так с Барсовым еще никто не разговаривал.

– Я не специально, – устало улыбнулась я.

– А вот на Власова даже не смотри – это парень Малиновской, она всех своих конкурентов уничтожает, – продолжала Наташа.

– Нужен он мне, – дернула я плечом. И, наткнувшись на взгляд Ольги Владимировны, которая снова вещала о важности последнего учебного года, замолчала.

Барс из класса все-таки вышел – судя по тому, что на ходу доставал телефон, чтобы с кем-то поговорить. Когда он вернулся, выглядел хмуро. Я несколько раз оглядывалась на него, сама не зная зачем, и он все время сидел, откинувшись на спинку стула и скрестив руки на груди. Его мысли витали где-то далеко.

Однако в какой-то момент наши взгляды встретились. Наверное, если бы я не знала, что он тут местный Волдеморт, которого все боятся, то снова показала бы ему что-нибудь. Язык, например. Но теперь лишь внутренне сжалась. Барс смотрел хищно и пристально, как-то по-взрослому, без веселых дьяволят в глазах. Вместо них появились демоны.

Я отвернулась и прикусила губу. Он действительно опасный. Нужно быть осторожной.

Боже, надеюсь, котенку он ничего не сделает? С другой стороны, если у него есть собака, значит, он должен любить животных, верно? По крайней мере, хотя бы больше, чем людей...

Глава 4. Самый опасный ученик в школе

Классный час длился целый урок, не меньше. За это время учительница столько раз сказала «ЕГЭ», что меня стало тошнить от этого слова. Об экзаменах даже думать не хотелось – так сильно они пугали. И хотя я всегда училась более чем хорошо, мне было не по себе от всей этой строгости. Впрочем, я решила, что бояться буду ближе к самим экзаменам. Что толку трястись сейчас?

После того как Ольга Владимировна отпустила класс, все разбрелись по компаниям. Барсов и его дружки исчезли первыми – буквально растворились в воздухе. Малиновская, Власов и их друзья-подружки громогласно заявили, что пойдут в караоке, а потом в клуб. Это был намек на то, что остальных они с собой не возьмут – только избранные могут тусоваться с ними. Наташа убежала на какие-то дополнительные занятия – как оказалось, староста ходила сразу к пяти репетиторам, ибо поступать хотела в МГУ.

А я присоединилась к Милане и Диларе – они пригласили меня отпраздновать новый учебный год в «Макдоналдсе» на набережной. К этому времени тучи разошлись, а дождь прекратился.

С нами решили пойти еще две девочки – близняшки Яна и Аня. Невысокие, светловолосые и зеленоглазые. Они были невероятно похожи друг на друга, и различить их удавалось только по одежде. Обе были болтливые, как сороки, но веселые.

До набережной нужно было идти около получаса, но я не отказалась. Мне хотелось найти новых подруг, да и одиночество я не особо любила – в голову сразу начинали лезть дурные мысли. Чаще всего – о папе. К тому же благодаря отчиму домой мне нужно вернуться лишь вечером.

– На набережной тебе понравится! – пообещала Дилара, когда мы вышли на школьное крыльцо. – Там вид – просто супер!

– Мы тебя потом еще на смотровую площадку отвезем, – подхватила Милана. – Оттуда весь город как на ладони видно! Потрясающая панорама!

– По Воскресенской улице еще надо пройти и по Ленинградке, – встряла Аня. – Там старинные купеческие дома, легко словить вайб начала двадцатого века! Там даже недавно сериал один исторический снимали. По телику должны показать скоро.

– Лучше словите вайб офигения, – перебила сестру Яна, оторвавшись от переписки по телефону. – Бывшая Барса, Настя Климова, из одиннадцатого «В» наехала на Вику Стоянову из «Б»! Мне девчонки написали!

О боже, опять о Барсе. Тут вообще о чем-нибудь другом разговаривают?

Кажется, меня даже перекосило – как от кислого лимона во рту.

– Что? – мигом забыли о местных достопримечательностях девчонки. – Как – наехала?!

– В коридоре прям встретила со своими подружками и наехала! – радостно сообщила Яна. – Типа какого фига ты у меня парня увела?!

– А Вика что?! – хором спросили девчонки.

– Послала Настю!

– А Настя что?!

– В волосы ей вцепилась! – гордо поведала Яна, как будто бы сама эту Настю и научила кидаться на людей и хватать за волосы.

– Они подрались?! – В голосе девчонок звучала надежда.

– Да нет же, – стухла Яна. – Там Атом мимо проходила, потащила обеих к директору. Сейчас у Дамблдора сидят, он им лекцию читает.

– Атом? Это кто? – удивленно спросила я.

– Физичка наша и завуч. Алена Томасовна – сокращенно Атом, – пояснила Дилара. – Строгая тетка.

– Не понимаю пацанов, – заявила Яна. – Настя лучше выглядит, чем Вика.

– У Вики грудь минимум второго размера, а Настя плоская, – хохотнула ее близняшка. – Так что я Барса очень даже понимаю!

– Вика стерва! – не согласилась с ней Милана.

– А Настя истеричка!

– Да вы тише орите, а то услышит и с разборками к вам придет!

Мы не спеша шли по школьному двору, девчонки с удовольствием перемывали косточки девицам Барсикова, а я заскучала. Нет, я бы тоже посплетничала в свое удовольствие – это маленькая тайна всех девочек, девушек и женщин. Но сплетничать о незнакомцах было неинтересно.

В отдалении послышался знакомый гул моторов, и я сразу поняла – самолет. Он появился из-за домов, словно стальная птица, и летел по бледно-синему небу, на котором больше не было серых туч. Каждый раз, когда я видела самолеты, я останавливалась и смотрела вверх.

– Смотрите, самолет, – с восторгом сказала я, но девчонки даже не обратили на меня внимания – спорили из-за Насти и Вики.

Кроме меня на самолет обратили внимание лишь первоклассники – их стройная колонна под предводительством учительницы как раз шла рядом с нами.

– Самолет, самолет летит! – пискляво закричал кто-то, и они все как по команде задрали головы вверх, провожая самолет глазами. Он быстро скрылся за новостройками, что окружали школу. А мы покинули школьный двор.

Этот город был рассечен на две части многоводной рекой. Берега соединяли несколько мостов – автомобильные, пешеходные и железнодорожные. Правый в первую очередь считался историческим центром – был застроен старинными домами и соборами. По его улочкам, скверам, рощам и паркам было приятно гулять, есть шоколадное мороженое, наступать на хрустящие сухие листья, что уже начали падать с дубов. И смотреть в высокое прозрачное небо, по которому то и дело пролетали реактивные самолеты, оставляющие после себя длинные белые полосы. На левом берегу располагались спальные районы с хрущевками и унылыми панельными многоэтажками, и деревянный частный сектор, и заводы, но там я еще не была.

Мы жили на правом берегу, который по большей части состоял из современных кварталов, и они разрастались все больше и больше. А еще на правом берегу была обустроена современная набережная, где можно было гулять, кататься на роликах или велосипедах и наслаждаться закатами. Туда-то мы и направлялись, неспешно шагая по тротуару длинного проспекта.

Порыв ветра растрепал мне волосы, и пришлось срочно отрывать взгляд от неба и искать резинку в рюкзаке.

Около остановки, когда мы стояли на светофоре, к нам вдруг подошел мальчик – лет тринадцати, не больше. Прилично одетый, с рюкзаком за плечами, в белых кроссовках. Выглядел он взволнованно.

– Извините, а вы не могли бы мне дать на проезд? Мне домой нужно доехать, а я потерял деньги, – вежливо спросил мальчишка и прикусил губу, будто бы ему было неловко спрашивать.

Девчонки сделали вид, что ничего не слышали, и продолжили болтать. Я вздохнула и полезла в карман за мелочью. Сама однажды мелкой была в такой ситуации. Потеряла купюру, которую дала мама, а расстояние от школы шитья, где занималась, до дома было приличным. Только просить у прохожих я стеснялась. Сидела на остановке и редела, пока ко мне не подошла бабулька с доброй улыбкой. Она угостила меня пирожком и дала денег на дорогу. Я честно

хотела их вернуть, а она сказала тогда: «Не надо, просто помоги тем, кто окажется в такой же ситуации. Если будем помогать друг другу, то и мир станет лучше».

– Вот, держи, – сказала я мальчику.

– Спасибо большое! Я вам верну! – пообещал он звонким голосом.

– Не надо, – ответила я, вновь вспомнив фразу той бабульки. – Просто в следующий раз помоги тому, кто окажется в такой же ситуации.

Я улыбнулась ему и заспешила пойти следом за девчонками по пешеходному переходу, пока мигал зеленый свет.

– Зачем ты ему деньги дала? – спросила Милана уже на другой стороне улицы. – Он наверняка у всех попрошайничает.

– Да нет, он домашний какой-то, милый, не похож на попрошайку, – ответила я, почему-то почувствовав вину за то, что помогла.

– Они все не похожи, а потом у всех в итоге айфоны, а я со старым андроидом хожу, – фыркнула Милана. – Никому не помогай, Полин! Каждый за себя должен быть. Мне так папа всегда говорит. А он, как говорится, жизнь прохавал сполна!

Я пожала плечами. А что на это скажешь?

Девчонки вновь стали обсуждать кого-то из школы, а мне вдруг показалось, что на меня смотрят. Я обернулась, но в толпе никого не увидела. И отчего-то вдруг стало грустно.

* * *

После классного часа, который своей бесполезностью пробивал дно, Барс должен был пойти к одному челу на хату. Парни позвали потестить новую плейку¹, хотя он больше уважал боксы². В общем, хотели развлечься.

Однако все пошло не так. Сначала они опоздали, потому что угорали во дворе с парнями из десятого. Потом выяснилось, что в его классе появилась ненормальная. Она как раз стояла у доски и хлопала своими синими глазищами. Черт, да почему ее сунули именно в его класс? Раздражать ведь будет весь год. И имя такое детское – Полина. Откуда она вообще взялась? Еще и рот открывать посмела. Бесит.

Потом докопалась завуч. Типа он без формы. В отличие от Оленьки, как звали классную за глаза, она заявила, что у Барса будут проблемы, раз он не соблюдает устав школы. Да плевать он хотел и на нее, и на устав. Только эта стерлядь все равно настучала Старику. Он позвонил ему спустя десять минут, когда Барс уже был на школьном дворе. И сухо велел:

– Чтобы в течение часа был у меня.

Хотелось послать его далеко и надолго, но Барс сдерживался. Знал – скажет что-то не то, получит по ребрам или по зубам. Лучше заткнуться, смолчать и выждать. Старик не вечный. Это сейчас он у руля. А скоро даст слабину и рухнет с вершины своей империи, как он называл свой бизнес. Прямо в болото.

Стариком Барс называл отца. Потому что «отец» для него слишком сильно. Нужно заслужить, чтобы называли отцом, а эта козлина не заслужила.

– Парни, я потом заскочу к вам, – сказал он друзьям. – Пожрать возьмите чего-нибудь только.

– Возьмем, – тряхнул выбеленными волосами Вал. Вообще, его звали Костя, но все обращались к нему так, потому что фамилия была Валуев.

¹ Плейка (сленг) – игровая приставка PlayStation.

² Бокс (сленг) – игровая приставка Xbox.

– У Виталика бухла много, так что оторвемся. Его родаки на дачу свалили! – широко заулыбался Винт. Тоже кличка, но не с наркотой связана, а с тем, что у него в заднице не шило было, а винт. Все время тянуло на приключения.

– Не пью, – жестко ответил Барс.

– Да че ты как малолетка!

Винт неожиданно замолчал – наткнулся на предостерегающий взгляд Барса. И смутился.

– Да ладно, знаю, ты же спортсмен, тебе нельзя.

– Мне все можно. Я сам не хочу. Так что рот держи на замке, чувак.

– Да понял-понял! Шутка это! Я типа стендапер.

– Ты типа идиот. И с лишними зубами.

Алкоголь Барс действительно не переносил. Видел, как пила мать, и помнил, как они жили. Пробовал, конечно, но не впечатлился. Из-за этого убивать себя? Нет. Он не станет. Спасибо.

Парни ушли, а Барс направился в другую сторону – к остановке. Его внимание привлекла новенькая, которая неспешно шагала по дороге с девчонками. Видимо, успела уже с ними спеться. Девчонки вообще начинают быстро дружить, Барс давно это приметил. Разговаривают обо всем на свете, будто сто лет знакомы и уже лучшие подружки. Это у парней иначе – сначала примериваются долго, проверяют на прочность, потом впускают в свой круг. У них в классе новенькие пацаны не приживались. Не из-за Барса – ему было плевать и на новеньких, и на стареньких. Из-за других.

Он загляделся на новенькую. Фигурка у нее была ничего так – тоненькая, но с изгибами там, где надо. И ноги красивые. Хотя до форм Вики явно далеко. А еще когда она улыбалась, у нее на щеках появлялись ямочки. Чертова синеглазка! Какого фига она застряла в его голове? У него в башке что, помойка, чтобы собирать всякий мусор?

Новенькая вдруг подняла голову в небо, и Барс сразу понял почему. Она услышала гул самолета. Он самолеты тоже любил. Когда слышал, что они пролетают над домом, выходил на балкон и смотрел. И вчера из-за пролетающего самолета вышел, а она засела на своем балконе с телефоном и снимала.

Она смотрела в небо, а он – на нее. А над их головами пролетал самолет. Больше никто не смотрел, разве что малышня. Остальные будто не слышали моторов, не видели в небе серебряную стрелу и ни на что не обращали внимания.

Порыв ветра растрепал ее светло-русые длинные волосы, и Барс вдруг захотел коснуться их. Не намотать на кулак и не запустить в них пятерню. А просто узнать, какие они на ощупь. И каким шампунем пахнут. Яблочным? Или кокосовым?

Она на ходу забрала волосы в хвост. И Барс невольно подумал, что у нее красивая шея. Тонкая, изящная, какая-то беззащитная.

А потом мысленно расхохотался. Он что, фигов вампир, чтобы думать о чьей-то шее?

Новенькая вместе с подружками направилась ровно в ту сторону, куда нужно было пойти Барсу. Они тащились еле-еле – так все девчонки ходят, когда вместе. Еще растянутся на всю дорогу цепочкой, а ты, как дурак, обходи. Но он не стал обгонять их. Шел позади и слышал, как они обсуждают всех подряд. Сплетницы. Синеглазка, правда, молчала. Наверное, потому что не знала тех, кого обсуждают. Так бы тоже перемыла все кости. Барс не сомневался. Он вообще не сомневался в человеческих недостатках – слишком много видел гнилых людей. Да и себя самого считал не лучшим представителем человечества.

У светофора произошла заминка. К ним подошел малой и попросил денег на дорогу. Новенькая нашарила в кармане мелочь и протянула ему.

– Спасибо большое! Я вам верну! – сказал малой.

– Не надо. Просто в следующий раз помоги тому, кто окажется в такой же ситуации, – вдруг ответила новенькая и пошла на другую сторону.

Она что, дура? Это была первая реакция Барса. Ее слова неожиданно зацепили его. Кто в своем уме будет кому-то помогать? Реально идиотка. Малой явно обирает прохожих. Потом отнесет взрослым.

Он смотрел ей вслед – на то, как она легкой походкой идет по пешеходному переходу, и мысленно повторял: дура, дура, дура. Красивая, но дура.

А потом спохватился – чего в ней красивого? Обычная. И выглядит младше своих лет. Еще и глаза эти странные.

Дальше Барс не пошел – ему нужно было дождаться автобус. Быстрее было бы на байке, но тот остался около дома. А домой возвращаться не хотелось.

Малому кто-то позвонил.

– Мам, я сам хотел позвонить, но у меня деньги на телефоне кончились! – звонко воскликнул он. – А еще я деньги потерял... Да не кричи ты, все нормально! Мам, мне девушка одна помогла, дала денег на автобус!

Барс ухмыльнулся. Твою мать, это не попрошайка. Синеглазка реально помогла. Может быть, не такая и дура? Хотя нет. Слишком добрая. У таких явно с головой не в порядке.

Всю дорогу он думал о ней.

Чтобы добраться до Старика, пришлось ехать в деловой центр, который располагался на правом берегу и считался самым уважаемым районом города. Тут находились банки, центральные офисы крупных компаний, бизнес-центры – целый комплекс безликих зданий из стекла и бетона. Кто был богаче, приезжал сюда шопиться в брендовых магазинах, посещать дорогие спа-салоны и пить коктейли в модных ресторанах с панорамными видами. Кто беднее – просто гулять, рассматривать чьи-то крутые тачки или делать фоточки для инстаграма на обзорной площадке.

Старик забрался далеко – на один из последних этажей огромного бизнес-центра класса А. В такой не каждый сможет зайти, но Барса охрана знала в лицо и пропустила. С ним даже поздоровались, как со взрослым, – обращались на «вы». Он поднялся наверх на бесшумном лифте, прошел в приемную отца мимо секретарши, которая больше была похожа на порномодель, и без стука зашел в кабинет. Руки в карманах джинсов, плечи расправлены, в глазах – дерзкая насмешка.

Старик сидел в кресле спиной к нему и разговаривал с кем-то по телефону.

– Завтра я заберу Веру со школы, и мы с ней погуляем, – услышал Барс его голос и поморщился. Вера – дочь старика, ей шестнадцать. А еще у него есть маленькая Эмма, ей пять. Их родила Оксана, кукла Барби на минималках с буферами размером с два баскетбольных мяча. Старик их всех любил, заботился, обеспечивал. Считал своей семьей. А Барса просто терпел – потому что пришлось. Так сложились обстоятельства.

Старик закончил разговор и повернулся. Хоть Барс и называл его так, на вид тот был совсем не старым. Чуть больше сорока, высокий, подтянутый, с волевым лицом и жестким взглядом, какой бывает у человека, который привык руководить другими. Волосы у него были темные, с проседью, зато размах плеч – широким. Одет он был в шикарный черный костюм, а из-под рукава пиджака виднелись дорогие часы, которые стоили целое состояние.

Барс ненавидел этого человека. Но еще больше ненавидел то, как сильно был на него похож. Если они стояли рядом, то каждому становилось понятно, что это отец и сын. У Барса только глаза были другими – не такими, как у отца. Особенными. Один – карий, второй – зеленый. Только этого никто не замечал. Все считали, что Барс – темноглазый. То ли боялись смотреть ему в глаза, то ли им просто было все равно.

– Садись, – кивнул Старик на одно из кресел напротив своего рабочего стола из натурального дуба. Барс развалился в одном из них, как на троне, и стал жевать жвачку. Знал, что ведет себя вызывающе, но этот урод точно не заслуживал того, чтобы перед ним стелились. Пусть задницу ему лижут замы и Оксана.

- Здороваться не учили? – поинтересовался Старик.
«Учили слать тебя на хрен».
- Что хотел? – вопросом на вопрос ответил Барс.
Старик нехорошо прищурился. Поведение сына ему явно не нравилось.
- Почему меня беспокоят из твоей школы? – спросил он, сложив руки на столе.
- Откуда я знаю? – пожал плечами парень.
- Еще раз – почему меня беспокоят из твоей школы? – медленно и четко произнес его отец. Хоть голос его и был ровным, Барс напрягся. Старик не в настроении.
- Без понятия.
- Мне повторить в третий раз? – Мужчина встал и, заложив руки за спину, направился в сторону сына. Тот уже знал, что будет. Просто сидел и смотрел в одну точку.
- Мне сказали, что ты пришел в школу без формы, – сказал Старик, встав рядом. – Если по существу, мне плевать, в форме ты ходишь или с голой задницей. Но меня унизили, Дима. Знаешь как?
- Как?
- Спросили, есть ли у тебя деньги на форму, – вкрадчиво поведал отец и положил руку ему на плечо. – Есть ли деньги на форму для сына Владимира Сперанского? Звучит смешно, не находишь?
- Да, забавно, – согласился Барс.
- Да я твою школу всю одеть могу с ног до головы. И купить каждого – с потрохами. А потроха зажарить и псам кинуть! – рявкнул Старик. – Какого черта они решили, что у тебя денег на форму нет?! Что обо мне теперь думать будут в твоей гребаной школе, а? Отвечай, идиот!
- Для человека, который может купить любого и сожрать с потрохами, ты слишком волнуешься о мнении каких-то училок, – хмыкнул Барс.
- Я дам тебе деньги – чтобы завтра был в форме. Ясно?
- Мне не нужны твои деньги, я сам зарабатываю. Как заработаю на форму, так и куплю. – С прошлого года Барс действительно зарабатывал сам. Был грузчиком в магазине, помогал на стройке, скрывая возраст, – его считали студентом. Ну и победы на гонках приносили неплохой доход, хоть и были делом опасным. Но на опасность Барс плевать хотел. Ему нравилось жить на адреналине. А деньги брать у Старика больше не мог. Чувствовал себя обязанным этому уроду.
- Вот, значит, как, – сощурился отец. – Самостоятельным стать решил?
- Ну да, – насмешливо подтвердил парень. – Ты радоваться должен. Больше не буду сидеть на твоей шее. Типа исчезну из твоей жизни и все такое. Ты же об этом мечтаешь.
- Уверен? – В глазах Старика вспыхнуло пламя.
- Разумеется. С первого дня нашей встречи ты не знаешь, как от меня избавиться. Тебе вообще не позавидуешь. Сначала от матери не знал как избавиться, теперь от меня. Но меня доводить до края не надо будет. Я сам ухожу.
- Хватит нести чушь.
- Какую чушь? Мама умерла из-за тебя, – с ненавистью выплюнул Барс, пересекая границу дозволенного. И сам пожалел о сказанном.
- Встал, – велел отец, закатывая рукава.
- Не хочу.
- Я сказал – встал. Или мне поднять тебя нужно?
- Барс нехотя поднялся на ноги и получил кулаком по лицу. Удар был не самый сильный, Старик, кандидат в мастера спорта по боксу, сдерживался, но губа все равно оказалась разбита – из-за печатки. Ожидаемо. Иначе он проблемы решать не умел – по крайней мере, с сыном.
- Не смей разговаривать со мной в таком тоне, щенок, – прошипел Старик. Барс облизал окровавленную губу.

– А я по фактам все раскидал, разве нет? Повторюсь еще раз. Бабки мне твои не нужны. Сам заработаю.

На этих словах Барс получил под дых и согнулся пополам. Еще несколько ударов по корпусу – а он даже блоки не ставил. Отец был единственным человеком, которому он не мог дать отпор.

Старик был уверен, что Барс понимает только язык кулаков – считал его уличным щенком, которого пришлось подобрать. После «воспитательной терапии» он кинул ему на колени конверт с деньгами, сухо велел умыться и ехать домой – парня ждала машина с водителем. Деньги Барс все равно не взял, хоть они ему были нужны. Из принципа. Характер у него был такой же твердый, как у отца.

В машине он вспоминал мать. А потом – синеглазую.

Глава 5. Друг, который стал взрослым

Набережная правого берега действительно впечатляла. Это было романтичное и уютное место, из которого открывался чудесный вид на воду. Небо разгладилось, из-за туч выглянуло солнце, и река стала казаться пронзительно-синей. Народу гуляло много – и школьников, и студентов, и мамочек с детьми, и пожилых людей. Кто-то неспешно прогуливался вдоль набережной, кто-то катался на велосипедах, роликах и самокатах – для них была отведена специальная полоса. Всем хотелось захватить последний кусочек лета.

Мы с девчонками закупились кофе, гамбургерами и мороженым, спустились с верхнего яруса на нижний и расположились на ступенях амфитеатра прямо напротив реки. Настроение у меня было отличное. Я слушала болтовню одноклассниц, шурилась на теплом солнышке и думала, что жизнь не так уж и плоха. Мимо проплывали моторные лодки и теплоходы, и мне тоже захотелось прокатиться на одном из них.

– Смотрите, Сокол! – вдруг встрепенулась Милана. Она резко расправила плечи и подтянула живот, чтобы казаться еще стройнее, а до этого сидела как попало. Девчонки мигом приняли боевую стойку и хищно уставились на компанию высоких и плечистых ребят, которые что-то весело обсуждали.

– Привет, Женя! – заорала Дилара, и самый высокий парень тотчас обернулся, а следом за ним – и все его друзья. На их лицах расплылись улыбочки. Стало неловко. Кажется, Дилара была из тех, которые все делали для воссоединения подруги и ее краша.

– Привет! – помахал ей высокий парень.

– Дура, – прошипела Милана, почему-то краснея.

– Сама дура, поздоровайся с ним! – прошипела в ответ Дилара. И опять заорала: – Как первый учебный день?!

– Нормально! А у тебя?

– Отлично!

На этом они распрощались, и ребята пошли дальше. Милана надулась, а близняшки стали смеяться. Мне тоже было смешно.

– Зачем ты меня подставляешь?! – рассердилась Милана.

– Я тебя с ним свести хочу! А ты тупишь! – заявила Дилара.

– Ты не с ним меня свести хочешь, а с ума меня свести хочешь!

– Ты должна с ним общаться, если он тебе нравится!

– Я стесняюсь!

– Девочки, а кто это? – спросила я.

– Женька Соколов, капитан школьной команды по баскетболу. Учится в параллельном классе. Он самый высокий среди парней. Говорят, у него будет крутое спортивное будущее, – выдала мне все как на духу Дилара. – Полин, а у тебя парень-то есть?

– Нет, – покачала я головой. – А у тебя?

– И у меня нет. Мы все тут без них! Клуб одиноких! – расхохоталась она, и остальные поддержали ее. Мы чокнулись стаканчиками с кофе и выпили за наших будущих парней.

– А я бы хотела с Барсом встречаться, – задумчиво протянула Яна, и сестра ткнула ее в бок локтем.

– Много хочешь – мало получишь! Барс встречается только с такими, как Вика или Настя. Ну или с девчонками постарше, – заявила Аня со знанием дела. – Плохие мальчики любят плохих девочек.

– Да что в нем такого? – нахмурилась я, вновь вспомнив наш вчерашний обмен колкостями и средний палец на линейке.

Одноклассницы уставились на меня как на идиотку.

– Он самый крутой в школе! – с придыханием сказала Дилара.

– И что? – не понимала я.

– Красивый, сильный и смелый. Любой вопрос разрешит. О нем весь район знает! Если ты с ним, тебя ни одна сволочь не тронет! По нему все девчонки сохнут! Тебе он что, вообще не понравился?

Четыре пары глаз внимательно уставились на меня.

– Ну-у-у, он нормальный, – осторожно выдала я.

– Нормальный? – фыркнула Дилара и сдула с лица черную прядку волос. – Ничего себе у тебя запросы! А кто для тебя тогда красивый?

– Допустим, Тэхен, – мечтательно улыбнулась я.

Глаза Дилары загорелись знакомым огнем.

– Ты что, тоже любишь BTS?! – спросила она радостно.

– Да. OT7... Ты тоже? Кто твой биас?

– Чимин!

– Он милашка...

Мы дружно завздохали.

– О боже, нет, перестаньте их обсуждать! – поморщилась Милана и пояснила: – Я от нее весь год только про эту группу и слышу! Уши в трубочку!

– Если будете обсуждать эту группу, пожалуйста, не при нас, – фыркнула Яна, и мы с Диларой понимающе переглянулись. Не все разделяли наше увлечение кей-попом.

Несколько часов мы гуляли по набережной, болтали, шутили, делали селфи – в общем, веселились как могли. Меня добавили в чаты: во-первых, в чаты класса – официальный, в котором состояла Ольга Владимировна, и в обычный, где взрослых не было. А еще девчонки добавили меня в свой личный чат. И я обрадовалась – ведь в наше время это настоящее дружеское признание!

Мы прошли очень много и остановились у ресторана-парохода. Зависли на огражденной площадке, которая спускалась к реке. Несколько раз мне казалось, что на меня кто-то смотрит, я оборачивалась и не могла понять кто.

Потом солнце спряталось, небо снова заволокло сердитыми тучами, и подул ветер. Девчонки засобирались домой, а я вспомнила, что отчим просил меня не появляться раньше восьми часов. От одной этой мысли внутри поднялась волна гнева. Вот придурок, какое он право имеет?! Но я постаралась потушить гнев. Хорошо, приду к восьми, мне несложно. Но если снова такое скажет, то расскажу маме. Побуду еще немного на набережной, посмотрю на то, как в реке отражаются огни большого города. Дорогу домой я помню. А если начнется дождь, пойду в кафе.

– Полин, ты не идешь на остановку? – удивилась Дилара. Они с девчонками решили возвращаться не пешком, а доехать на автобусе.

– Вы идите, а я еще немного погуляю, – улыбнулась я. Рассказывать про отчима не хотелось. Придется тогда и про маму говорить, и про папу. А я пока не хочу. Слишком личное.

– Тогда до завтра, – кивнула Милана. – Встретимся в школе!

– Покажем тебе все местные достопримечательности, – подхватила Аня.

Мы попрощались и направились к лестнице, которая вела на верхний ярус. Я осталась одна, и ветер взметнул мои волосы, чтобы рассыпать по плечам. Улыбка сползла с лица – накатил вдруг осенняя тоска. Такая, что сердце в груди сжалось.

Я положила руки на перила и стала вглядываться вдаль – там, за потемневшей рекой, высились старинные дома исторического центра. Наверное, папе понравился бы этот город. Как он там один?

В этот момент сзади меня кто-то бесшумно появился и закрыл сухими ладонями мне глаза. От неожиданности я вздрогнула.

– Вы кто? – выкрикнула я испуганно.

– Не узнаешь? – раздался мужской голос над моим ухом. Очень приятный, но незнакомый. И явно принадлежал парню моего возраста. Я испугалась еще больше. А вдруг привет от неадекватного Барса?!

– Нет! Убери руки! – велела я.

– Правда не узнаешь? – весело спросил голос. – Ну догадайся! Даю тебе три попытки!

– А я тебе сейчас в морду дам! – рассердилась я, вырвалась и действительно едва не врезала ему – только не по морде, а между ног. Но он вовремя отскочил.

– Воу-воу, полегче! – обезоруживающе улыбнулся он и поднял ладони вверх, словно говоря, что сдается. – А ты все такая же боевая девочка!

Я нахмурилась. Передо мной стоял парень – выше среднего роста, стройный, с расправленными плечами. Одет он был в расстегнутый бордовый бомбер в стиле парней из американских колледжей, простую футболку, джинсы и кроссовки. Растрепанные каштановые волосы, колечко в носу, уверенная улыбка. Четко очерченные широкие скулы, брови вразлет, пухлые губы. Такие, как он, точно знают себе цену.

Парень смотрел на меня серо-зелеными веселыми глазами и улыбался. Кто он? Почему мне кажется, что я где-то его видела? Может быть, в школе? Я еще не всех одноклассников запомнила.

– Кто ты? – хмуро спросила я. Он взъерошил волосы. Густые пряди упали на лоб.

– Ты меня не помнишь? – В его голосе была досада.

– А должна?

– Должна. Ты ведь Полина? Полина Туманова, верно? – Он буквально пожирал меня взглядом. А я... Я не понимала, кто он такой.

– А ты кто? Мы знакомы? – Я прикусила губу, чувствуя, что ответ близко, но я не могу его разгадать.

– Лягушатиная, как ты могла меня забыть? – вздохнул парень. У меня вытянулось лицо. От удивления.

– Игорь? – недоверчиво переспросила я.

Это был Игорь Степанов, тот самый мальчишка, который когда-то вместе с братом дразнил меня Лягушатиной. Они переехали в этот город, но я и подумать не могла, что судьба сведет нас вновь! Он так вырос и возмужал, а был ведь совсем мелким! Боже, это что-то невероятное! Вот это встреча!

Игорь вдруг обнял меня, подхватил и закружил на месте. Я невольно вскрикнула.

– Отпусти!

– Ни за что! – прокричал он, легко удерживая меня. Хоть Игорь и казался стройным, но силы в нем было много. Наверняка занимался каким-то спортом. – Отпущу – и опять пропадешь!

На нас стали засматриваться прохожие – наверняка приняли за парочку. Кто-то глядел с осуждением, а кто-то, напротив, с умилением.

Игорь осторожно поставил меня на асфальт, но не отпустил мою руку – так и держал ее в своей широкой теплой ладони. Я случайно кинула взгляд наверх, и на втором ярусе увидела обалдевших одноклассниц, которые пялились на меня с таким видом, будто увидели рептилоида. Наверное, они решили, что я не пошла с ними, чтобы встретиться с парнем. Заметив мой взгляд, они радостно заулыбались. Дилара вытащила телефон и жестом сообщила, что напишет. Я лишь кивнула.

– Поверить не могу. Это ты, – восторженно сказал Игорь, разглядывая меня. – Лягушатиная, а я о тебе вспоминал недавно. Ты как?

– Хорошо! А ты сам как? – спросила я, не в силах отвести от него глаз.

– Лучше всех! Ты переехала, что ли? На тебе школьная форма. Учишься здесь?

– В этом году переехала, – улыбнулась я. – Пришлось идти в новую школу. Боже, я не верю, что это ты! Как вымахал, а!

И я положила руку ему на плечо. Широкое, твердое, будто каменное. Не верю, как из противного мальчишки он стал таким взрослым и мужественным.

– А я не верю, что это ты. Поинка, ты такая красивая стала, – проговорил Игорь, глядя мне в глаза. – Я тебя с трудом узнал. Сначала думал – ты или не ты? Присматривался. А потом увидел шрам на ноге и вспомнил, что ты его получила, когда мы в разбойников за домом играли. Помнишь, ты с дерева упала – и прямо на стекло? Кровищи было!

– Помню, – улыбнулась я.

Тогда это стало настоящей трагедией. В детстве я была настоящей плаксою. Чуть что – или плакала, или дралась. Или делала одновременно и то и другое.

– Ты ревела на весь двор, а мы с братом пытались тебя успокоить и думали, что нас накажут, – продолжал Игорь. – Решат, что это мы тебя обидели.

– И вы меня потащили в одеяле домой, – улыбнулась я воспоминаниям. Далеким и теплым.

– Точно! А ты начала орать еще громче!

– Я почему-то решила, что вы несете меня на помойку, чтобы выкинуть, – хихикнула я.

– Почему?!

– Откуда я знаю?! Так решила, и все!

Мы рассмеялись, и он наконец выпустил мою руку.

– Лягушатица, ты тут одна? Подруги ушли?

– Ушли, – кивнула я, хотя девчонки все еще стояли наверху и глазели на нас. – А ты один?

– Был с друзьями, но они в пиццерию погнали, а я – к тебе. Погуляем? Только давай сначала номерами обменяемся? Я тебя в соцсетях искал, но не нашел.

– Я вас тоже искала, – призналась я.

Оказалось, что мы оба были в социальных сетях под фейковыми именами, а потому найти друг друга банально не могли. И это нас обоих развеселило.

Мы неспешно шли вдоль набережной, и, несмотря на то что ноги уже гудели, я не могла сказать Игорю, что устала – хотела провести с другом детства побольше времени. Он так изменился, что я диву давалась, но при этом в нем время от времени проскальзывали смутно знакомые с детства вещи. Привычка мило морщить нос при улыбке. Такой же искренний звонкий смех. И он все так же по-особому произносил звук «р» – не картавил, но говорил его чуть рычаще и протяжно. В детстве мне всегда казалось, что это очень красивый звук «р». Я даже пыталась подражать ему, но ничего не получалось.

Мы болтали обо всем на свете, смеялись над шутками и вообще в компании друг друга чувствовали себя свободно. Будто и не было долгих лет расставания. А потом он решил проводить меня до дома. Сказал, что иначе не может. Ведь уже темно.

Разумеется, я согласилась – мне не хотелось так быстро расставаться с другом детства, которого я так внезапно нашла. Правильно говорит бабушка: «Лишь потеряв, находим». Долгое время я не могла понять смысла этих слов, а вот теперь поняла.

Мы дошли до конца набережной, увидели знаменитый Алексеевский мост и стали свидетелями того, как закат растворяется в водной глади. Только появления огней в реке не дождались – пошли на остановку, слишком уже время было позднее.

– Я влюбилась, – восхищенно сказала я, то и дело оглядываясь на реку, огромную и могучую. Издалека она казалась спокойной, но вблизи, когда видно было быстрое течение, я начала понимать, что река на самом деле несет в себе большую силу.

– Надеюсь, в меня влюбилась? – улыбнулся Игорь, и я в шутку ткнула его локтем в бок.

– В это место. В набережную, в реку, в мост...

– А лучше в меня. Шучу я, шучу! А то опять вмазать захочешь! Все детство нас с братом гоняла, и до сих пор такая! Настоящий воин, – рассмеялся парень.

– Я гоняла? – возмутилась я. – Так вы нарывались! Обзывали меня Лягушатиной!

– А ты в нас песком бросала! И камнями!

– Вы все равно первые начинали! К тому же вас было двое, а я одна!

– Ты и одна нам двоим фору давала, поверь! Лягушатины, наш троллейбус! Бежим! – вдруг воскликнул Игорь и схватил меня за руку. К остановке действительно плавно подъезжал рогатый.

И мы побежали, держась за руки. Бегал Игорь отлично – видно, что тренированный, а я немного буксовала, однако на троллейбус мы успели. Забежали в самый последний момент и уселись на свободное двойное сиденье. Я – у окна, а Игорь – рядом, касаясь моего предплечья своим.

Створки с шумом закрылись, и мы плавно поехали вперед. Народу почти не было, а троллейбус тащился так, будто никуда не спешил, однако меня это даже радовало. Мы с Игорем тихо разговаривали и смотрели в окна. Сентябрьская ночь плавно опускалась на город. Восток все еще озарял мягкий свет, а на западе сгустилась черничная тьма. Вдоль дороги загорались фонари, а в домах один за другим вспыхивали окна. Вечерние улицы казались ухоженными и элегантными, с оригинальной подсветкой.

Игорь рассказывал мне о местных достопримечательностях, которые мы проезжали, – в городе он давно уже освоился и считал его родным.

– Это здание государственного академического театра оперы и балета, – говорил он, показывая на очередное здание, сияющее огнями. – А это – «Арена-Мир». Новый спортивный комплекс, там наша местная команда по хоккею базируется. А вот справа, видишь, за тем поворотом? Там начинаются «Золотые пруды», это парковый комплекс, рядом – элитный микрорайон, где живут бизнесмены и депутаты. Хочешь, прогуляемся там как-нибудь? Осенью там особенно красиво.

– Конечно хочу! – тотчас согласилась я.

– Кстати, а у тебя парень есть? – неожиданно спросил Игорь. – А то приглашаю тебя на прогулку, а ты, может быть, занята.

– Нет, – мотнула я головой. – Иначе бы я не согласилась. А у тебя?

– У меня тоже парня нет, – улыбнулся он.

– А девушки? – не отставала я.

– Нет, – чуть помедлив, ответил Игорь.

Я нахмурилась – меня удивило, что он отвел глаза.

– Точно нет?

– Точно. Мы расстались не так давно. В августе. – В его голосе послышалась боль.

– Почему? – изумленно спросила я. И удивилась не потому, что они перестали встречаться, а потому, что у Игоря кто-то был. Я ни с кем не встречалась, а он уже имел в этом опыт! Будто был взрослее меня. Боже, и когда мы успели так вырасти? Вчера же еще на деревьях залазили и крапивой друг друга жалили. Ладно, это я их с Сашкой жалила, когда они меня доводили. Знала секретный способ, как правильно сорвать крапиву. Папа научил.

– Она мне изменила, – ответил Игорь.

– Ох, прости, что спросила, – вздохнула я.

– Все хорошо. Мы встречались с Викой два года, и я думал, это навсегда. А потом мне наши общие друзья прислали видео, где она на школьной тусовке у какого-то типа на коленях сидит и целуется с ним, – поделился Игорь. – Мне передали, что они не только целовались... Черт, даже вспоминать не хочу. Знаешь, что обиднее всего, Полин? Она мне даже ничего не сказала. Решила тайно с ним встречаться, наверное. Мне потом друзья сообщили, где у них свиданка будет, и я приехал в то место. Это рядом с торговым центром «Галактика», там народ

часто собирается и гуляет. В твоём районе, кстати, находится. Там я их и увидел. Они опять целовались при всех.

– И что, ты подошел? – спросила я, затаив дыхание. История была грустной. Несправедливой!

– Подошел. Встал рядом. Подождал, пока они оторвутся друг от друга. И когда Вика меня заметила, сказал, что мы расстаемся. Она начала плакать, говорить, что все объяснит, а я ушел. Заблокировал ее везде. Но, как понимаешь, приятного во всей этой ситуации мало. До сих пор не отпускает. Я же ей доверял, – признался друг детства.

– Вот дура! – вырвалось у меня. – Променила такого парня, как ты, на какого-то идиота!

– Он – типичный плохой парень. Крутой и сильный, его все боятся. Почему вы, девчонки, все время выбираете таких? – спросил он. – Зачем вам эти альфа-самцы на минималках?

– Не обобщай! Я не выбираю, – фыркнула я. – У меня с головой все в порядке. Эй, не переживай, пожалуйста! Ты достоин лучшего, чем эта Вика! Я верю в закон бумеранга! Этот парень тоже потом ее бросит.

– Я не желаю ей зла, – грустно улыбнулся Игорь. – Просто обидно, что она так поступила со мной.

– Может быть, оно и к лучшему, – сказала я задумчиво. – Согласись, лучше расстаться сейчас, когда вас мало что связывает. Чем тогда, когда вы будете женатой парой с тремя детьми.

– Разумно, – согласился Игорь. – Но успокаивает мало. До сих пор не понимаю, чем я хуже него.

– Ничем, – твердо сказала я и потрепала друга детства по волосам.

Наконец мы вышли из троллейбуса. Стало еще темнее – ночь отвоевывала свои права. На небе загорелись первые звезды, а в воздухе почему-то чувствовался запах костра и сладковатый аромат – всюду были насажены цветы, которые раскрывались после заката.

– Я тебя до дома провожу, – решил Игорь.

– А тебе потом самому сколько ехать? – нахмурилась я.

– Всего несколько остановок. Я не так далеко живу, – улыбнулся он. – И учусь в седьмой гимназии. Не слышала про нее?

– Нет, – покачала я головой.

– Она элитной считается, – хмыкнул Игорь. – Отец нас с Саней запихал по связям. Гнилое место, я тебе скажу.

Вот оно что. Родители братьев, насколько я помнила, были не то чтобы богатыми, но обеспеченными – точно. Кажется, их отец имел свой небольшой бизнес.

– Не нравится гимназия?

– Пятьдесят на пятьдесят. Учителя сильные. А ученики – не очень. Есть нормальные. А есть детишки снобов, у которых в головах одни шмотки, айфоны и тусовки. Одноклы вечно соревнуются, у кого батя богаче.

– Когда слышу или вижу слово «одноклы» – первая ассоциация с одноклеточными, – рассмеялась я.

– В нашем классе это синонимы, – улыбнулся Игорь. – А ты в какой школе учишься?

– В сто пятой, новой.

– Надо же. Вика тоже там учится...

– Ого! Хочешь, при встрече я ей в спину плюну? – предложила я, а он лишь рассмеялся.

– Просто забей, хочу вычеркнуть из жизни этого человека.

Болтая, мы добрались до жилого комплекса, в котором находилась наша квартира. Расставаться с Игорем и возвращаться домой не хотелось. Мы встали у дороги, рядом с парковкой, и снова заболтались. Вспоминали прошлое, смеялись над своими бесконечными проделками. Рядом с Игорем было тепло и спокойно. Я будто окунулась в атмосферу детства, когда в нашей семье все было хорошо.

– Кстати, а почему твои родители решили переехать? – спросил Игорь. – Отец захотел? Я до сих пор его помню. Такой крутой мужик! Я из-за него тоже мечтал стать пилотом, когда мелким был!

Упоминание о папе кольнуло в груди. И сразу вся радость исчезла, оставив место лишь холоду.

– Это не папа захотел переехать, – опустила я глаза. – А отчим.

– Твои родители развелись? – свел густые брови к переносице Игорь.

– Нет.

– А почему? Что-то... случилось, Полин?

В глазах сами собой заблестели слезы. Так часто бывало, когда кто-то начинал расспрашивать о папе. Я поспешила опустить голову и закрыться волосами – не хотела, чтобы друг детства увидел, как я плачу.

Игорь все понял – по одному моему поникшему виду.

– Нет, только не говори, что... – Он потрясенно замолчал.

– Да. Его больше нет, – прошептала я, ненавидя себя за то, что из глаз потекли слезы. Перед Игорем было неловко. Решит, что я какая-то истеричка. Но так больно было в душе, что хотелось кричать и выть. Мы столько сегодня говорили о нашем общем прошлом, что я не выдержала.

Игорь вдруг обнял меня. Одна его рука покоилась на талии, ладонь другой лежала на макушке. Я прижималась щекой к его теплой груди и чувствовала, как гулко бьется его сердце.

– Прости, Полин, я не хотел расстраивать тебя, – сказал Игорь, глядя меня по волосам. – Даже не думал о плохом.

– Все в порядке, – шмыгнула я носом и обняла его за плечи, сама не понимая почему. – Это ты прости, что я так реагирую. Просто иногда... Иногда накатывает. Я по нему скучаю.

– Все будет хорошо, – зачем-то пообещал Игорь и, прижимая меня к себе, уткнулся лицом в мои волосы. В его объятиях действительно было спокойно. Слезы начали высыхать, а та боль, которая пронзала душу, стала постепенно растворяться. Игорь не отпускал меня, и мы так и стояли в обнимку. Молчали. Я была благодарна ему за то, что он не начал задавать вопросы – потом все сама расскажу. Когда успокоюсь.

Когда я почти пришла в себя и отпустила Игоря, а тот нехотя разжал руки, мимо нас к парковке прошел высокий широкоплечий парень. Я не сразу поняла, что это Барсов собственной персоной. Он шел с такой злобной рожей, как будто на разборки с демонами. Только биты за плечами не хватало. Вместо нее – мотоциклетный шлем. А еще у него была рассечена губа. Подрался, что ли?

Проходя мимо, он задел своим плечом плечо Игоря. Вот как будто бы места мало!

– Осторожней! – рыкнул Барсов.

– Сам смотри, куда идешь! – мгновенно разъярился Игорь, и я его понимала. Стоит себе человек, стоит, а мимо него прет этот танк, задевает, а потом еще и обвиняет. Вот где у человека логика, где?!

Барсов остановился. Обжег меня недовольным взглядом, а после уставился на Игоря. Криво улыбнулся и насмешливо спросил:

– Ты это мне, чувак?

– А ты видишь еще кого-то? – ледяным голосом поинтересовался Игорь. – Ходи нормально, тут места много.

– Слушай, чел, ты мне не нравишься. И я бы с удовольствием надрал тебе задницу, но у меня дела. Просто не появляйся здесь больше. Усек?

В глазах Игоря появилась ярость, но он не успел ничего сказать, потому что вмешалась я. Меня возмутило то, как Дуболом себя ведет. Совсем обнаглел! Я его знаю два дня, а треснуть хочется так, будто мы знакомы полжизни, и все эти полжизни он мне надоедает.

– У тебя проблемы, Барсов? – громко спросила я, и он перевел взгляд на меня. Недобрый такой взгляд, тяжелый. Если бы можно было испепелять взглядом, то Барсиков стал бы чемпионом в этом деле.

– Опять ты, – сказал он.

– Опять я. Я тут живу, на минуточку. И знаешь что?

– Что? – с интересом спросил Барсов. А я вдруг вспомнила, что он, вообще-то, самый опасный парень в школе, гроза района и прочее, и затухла, повторяя про себя мантру: «Мне не нужны неприятности, мне не нужны неприятности». И Игорю они не нужны. Вдруг одноклассничек решит его избить? О его силище по школе чуть ли не легенды ходят...

– Говори, – велел Барсов. – Что хотела сказать?

– Да так, ничего не хотела, – милым голосом произнесла я. – Погода сегодня хорошая, да? Звезды видно отлично! И луна скоро взойдет.

– Ненормальная, – сказал Барсов и пошел на парковку. Там он оседлал байк и унесся со двора.

Я облегченно выдохнула. Ура, отвязались. А вот Игорь выглядел странно. Смотрел вслед Барсову с крепко сжатыми кулаками, и на скулах его играли желваки.

– Ты чего? – удивленно спросила я.

– Это он.

– Кто – он?

– Тот парень, с которым встречалась Вика, – с тихой ненавистью сказал Игорь. Он явно не ожидал увидеть здесь того, кто увел его любимую.

Я оторопела.

Неужели та девушка, с которой Барсов целовался на балконе, и есть его Вика? Вот же Дуболом засранец! Мало того что ведет себя как король, так еще и всех девушек в округе соблазняет! Кто там у него до этой Вики был? Настя? А сколько было до нее? Даже думать об этом не хотелось.

– Ничего себе...

– Откуда ты его знаешь?

– Учимся в одном классе.

– Будь осторожна с этим типом, Полина. Не приближайся к нему, – выдохнул Игорь.

– И так стараюсь держаться в стороне, – пожала плечами я.

На этом мы с Игорем, который заметно загрузился, попрощались. Он проводил меня до подъезда, попросил написать сообщение, когда я буду дома, и ушел.

Несмотря ни на что, домой я возвращалась с улыбкой.

Глава 6. Самолеты тают в небе

Барс мчался на байке по свободным вечерним улицам, ловя отблески фонарей. Ветер бил в защитное стекло шлема, мимо пронеслись машины, мелькали огни ночного города.

Первые права категории А1 Барс получил еще в шестнадцать, хотя водить научился гораздо раньше. А как ему стукнет восемнадцать в октябре, получит новые права – чтобы управлять тачкой. Правда, тачки пока у него не было. Был легкий мотоцикл – малокубатурный Aprilia RS 125.

Всего сто двадцать пять кубов, зато разгон – до ста семидесяти километров! Мощная итальянская машинка. Такие уже не выпускаются. Дизайн офигенный, а по разгонной динамике даст фору даже четырехсоткубовым. К тому же Барс апгрейдил байк. И тот стал еще мощнее.

Он купил его по дешевке у какого-то лоха, который разбил байк, а где достать запчасти, не знал. Зато Барс знал. Поэтому и купил. Сам отремонтировал. И теперь гонял.

Скорость он любил, а главное – она любила его. И никогда не подводила. В отличие от людей. Но повышать ее на дорогах города Барс не мог, хоть и хотелось втопить по полной. От скорости он кайфанет за городом, на заброшенной трассе, где сегодня состоятся очередные гонки. И кайфанет, и заработает. Брать бабки у Старика не будет. Пошел он.

Губа все еще саднила, на теле появились синяки, но ему было плевать. Привычное дело. Старик иначе не может разговаривать. Только с другими детьми. Отребье вроде него не заслуживает этого.

После встречи с отцом Барс был зол. А после того как встретил эту ненормальную, просто начал кипеть от ярости.

У нее, оказывается, дружок есть. И клюнул же кто-то на эту идиотку.

Почему он злился, Барс и сам не очень понимал. Просто увидел Полину, которую обнимал какой-то левый чел, и вспыхнул. Опять эта девчонка. Она его преследует, что ли? Ненормальная.

И глаза у нее синие-синие. А губы – пухлые.

Какого черта он постоянно думает о ее глазах и губах? Нет, она точно ему не нравится. Когда ему нравится девчонка, он думает о ее заднице, а не о глазах. Это последнее, что его заводит.

На заброшенную трассу он приехал спустя минут двадцать. Когда-то она вела к санаторию, где отдыхали и лечились круглый год минеральной водой. Однако источник иссяк, санаторий закрылся, и трасса стала заброшенной. Тут даже фонарей не было. Кругом тьма.

Это место любители ставок и скорости облюбовали несколько лет назад. Тут устраивали гонки и веселились. По большей части – детишки богатых родителей, местные мажоры, которым было скучно. Или такие, как Барс, – которым нужны были бабки.

Музыку и гул моторов Барс услышал издали – до того как увидел огни. Ярко светили прожекторы, блестели бока отполированных спортивных тачек и хромированные детали спортбайков. В воздухе привычно пахло жженой резиной.

Народу собралось прилично. Многие называли себя стритрейсерами. И жить не могли без гонок, азарта и ставок. Барс считал их идиотами. Он, например, жить не мог без денег. Как и все на этой долбаной планете. Только кому-то бабки давали богатенькие предки, а кто-то зарабатывал их сам.

Кто-то бухал, кто-то ржал, кто-то дрифтил с визгом шин. Девки в коротких клетчатых юбках танцевали на багажнике тачки с шампанским в руках. Несколько идиотов прыгали под музыку рядом с колонками и трясли башками. Наверняка чем-то закинулись.

Ничего нового.

Барс за руку поздоровался с органами – челами из универа, которые, как и он, пытались подзаработать. Но Барс точно знал, что за ними кто-то стоит. Иначе были бы проблемы с ментами.

– Твой заезд – последний. Соперник – Лайм, – сказал один из оргов.

Барс поморщился. Быть последним ему не нравилось. Придется проторчать тут пару часов. Да и Лайм бесил. Вечно недовольный, с высокомерной рожей, которая просила кулака. Барс для прикола стал звать его Кислым. Остальные подхватили, и Лайма это нехило бесило. Он же себя крутым считал. А тут стал Кислым.

– Почему он? Я же его в прошлый раз сделал, – скривился Барс, жестом отказываясь от протянутой бутылки пива.

– Реванша хочет, – усмехнулся орг, которого все звали Гремлин, а настоящего имени не знали. – Сделай его, чувак, на тебя большинство ставит.

Барс промолчал. Разумеется, сделает, даже если Кислый будет на летающей тарелке, а не на байке. Водить он умеет, но машинку не чувствует. Тупой.

– Когда тачку купишь, другие бабки будут, – продолжал Гремлин. – Будем играть по взрослому.

– Права получу и сразу куплю, – усмехнулся Барс, хотя это было не так. На тачку надо копить. Ничего, заработает. Руки есть, ноги есть, так что это дело времени.

– Может, уже сейчас начнешь? Я бы тебе отличную тачку по дешевке подогнал. Ставки другие будут и люди другие. Обещаю, ты бабла срубишь до фига! – Глаза Гремлина загорелись алчным огнем. Бабла и он хотел срубить. Гонки на байках считались нижним уровнем – для малолеток, а вот тачки – уже серьезнее. И люди в них участвовали серьезные.

Но Барс покачал головой. Не хотел. И дело не в том, что закон нарушает – он и так нарушал, участвуя в гонках. Дело в том, что хотел послать все это на хрен. Ему нравилась скорость, и кровь бурлила от адреналина, но быть клоуном для всей этой толпы надоело.

Его очередь пришла не скоро. Прошло больше получаса, прежде чем он встал на своем железном коне у старта – белой линии на потрескавшемся асфальте. А ведь обещал себе, что бросит.

Барс ненавидел пустые обещания. Мать тоже обещала бросить пить. Но так и не бросила.

Вперед вышла грид-герл. Потрясающая девчонка с потрясающими буферами, которые едва не вываливались из крохотного лифчика. Не менее потрясающую задницу едва прикрывали короткие шортики. В руках у нее были флажки.

Грид-герл называли королевами гонок, но эту крошку называли королевой совсем другого. На нее западали многие, но она держала дистанцию. А вот с Барсом заигрывала, хоть тот и был младше.

Лайм и Барс вырулили на линию старта почти одновременно. Переглянулись. Во взгляде первого читалась угроза. Во взгляде второго – насмешка. Барс знал – он победит, несмотря на то что у соперника байк дороже. Потому что мастерство не купишь. И ровные руки – тоже.

– Я тебя сделаю! – пообещал Лайм глухим голосом, а Барс даже не стал ему отвечать. Просто показал средний палец. И тотчас вспомнил ненормальную. Она ему тоже показывала. Бесстрашная, блин.

Грид-герл опустила флажки, толпа заорала, и парни сорвались с места. Им нужно было доехать до основной трассы, промчаться по ней несколько километров, повернуть и вернуться обратно. Все просто.

Барс гнал вперед, крепко удерживая руль. Теперь он наслаждался скоростью. Кровь кипела от нахлынувшего адреналина. В голове стало легко и свободно. Байк казался продолжением его тела – так легко управлял им парень.

Ветер. Скорость. Свобода.

Это помогало ему забыться. Вместе с драйвом обрести успокоение. Но ненадолго.

Когда Лайм начал его нагонять, Барс решил поиграть с ним. Поддался и дал сопернику возможность опередить его. Парню нравилась игра в кошки-мышки – пусть жертва почувствует себя победителем на мгновение. Лайма бомбанет, когда он в итоге придет вторым.

Те, кто был в шаге от победы, разочаровываются в себе еще больше, когда проигрывают. Барс знал, на что давить.

Ликуя, Лайм еще сильнее втопил вперед, но его триумф длился недолго – Барс опередил его. И вернулся первым, да с таким отрывом, что когда Лайм остановился, то вскочил со своего байка и с ненавистью кинул шлем на землю. Его просто разрывало от ярости. А Барсу было смешно. Мажор тупой. Не знал, с кем связался?

– Я тебя в следующий раз сделаю, козлина! – заорал Лайм, злой как черт.

– Ты уже это говорил, – хмыкнул Барс, забирая бабки у Гремлина.

Ехать на тусовку после гонок он отказался. Что там не видел? Пьяные рожи? И поехал домой, все еще чувствуя волны адреналина, которые поднимались к солнечному сплетению.

Была глухая ночь. Во дворе никого. Барс припарковался и отправился домой, где дома его ждали Лорд и Обед. Оба сидели у порога, когда он открыл дверь. Лорд тотчас бросился к хозяину, радостно лая, и парню пришлось успокаивать пса – ночь же. Соседи спят. А вот котенок настороженно наблюдал со стороны.

Барс проверил воду и корм – эти двое умудрились опустошить свои миски, хотя он вечером наполнял, перед уходом. А еще проверил кошачий туалет – Обед на удивление быстро понял, куда нужно ходить.

Парню стало смешно. Он типа крутой чел и все дела, а вынужден мыть кошачий туалет. Классно.

А еще офигенно – у этих двоих жратва есть, а у него – нет. Из еды какие-то крупы, которые он, конечно, варить не будет. Утром пожрет, купит шаурму возле школы.

Барс открыл окно на кухне и сел на подоконник. Бабок он сегодня срубил нормально, на форму хватит, и не только на нее. Осталось заказать. Когда он уже закончит эту дурацкую школу? Нужно работать, а не протирать штаны. Условие Старика – получить полное школьное образование. Как будто это имело значение.

Оксана как-то обмолвилась, что Старик хочет отправить его учиться за границу, поэтому ему нужно, чтобы сын закончил одиннадцать классов. Но вот самому Барсу это точно было не нужно.

Его взгляд равнодушно скользнул по дому напротив и вдруг остановился. Барс подобрался и хищно прищурился. Ненормальная! Она стояла на балконе с телефоном в руках и снова что-то снимала. Кажется, небо. Что она там увидела?

Барс выглянул в окно – небо было усеяно звездами. Красивыми, крупными, перемигивающимися.

Вот оно что, звезды снимает. Странная. Барс любил ночное небо и интересовался астрономией, но никогда не видел, чтобы кто-то фотографировал звезды. И чтобы пялился на самолет в небе. И чтобы помогал другим.

Как ее там? Полина? Она реально странная, эта Полина.

Она слишком сильно высунулась с балкона в попытке сделать очередной кадр. И Барс заволновался. А вдруг упадет? Ей тогда кранты. Высота большая, а внизу асфальт.

Синеглазая высунулась еще сильнее, сжимая в тонкой руке телефон. Он готов уже был орать, чтобы эта идиотка перестала высовываться, но она, слава богу, ушла с балкона. И через полминуты появилась в окне рядом. Загорелся свет, и Барс увидел девичью фигуру – должно быть, это ее спальня. Там раньше висело требование отдать кота.

Зачем-то он достал телефон, включил камеру, увеличив в несколько раз, и навел на Полину. Она стояла у окна, пританцовывая, и ему стало смешно. Забавная. Двигается неплохо. Интересно, под какую музыку? Наверняка под сопливую попсу.

А потом Полина подняла руки и стала стягивать с себя футболку. От изумления Барс едва не подавился. Чего-чего, а этого он точно не ожидал.

Под футболкой у нее был черный лифчик. И Барсу на мгновение стало жаль, что его при свете Полина снимать не стала. Но потом он отмахнулся – сказал сам себе, что ему плевать. Она его не интересует.

Полина в своем черном лифчике выглянула в окно и вдруг пропала. А когда появилась, то прижимала к себе одеяло. Черт, она, кажется, заметила его.

Девушка гневно погрозила ему кулаком, и Барс засмеялся. Он надеялся, что ненормальная прикрепит к стеклу очередное послание, но Полина просто выключила свет, занавесила окна и больше не показывалась.

Разочарованный Барс завалился на диван, и Обед залез ему на грудь. Пришлось его гладить – котенок замурлыкал, как трактор. А Лорд снова устроился в ногах и положил морду ему на голень.

Ночью Барсу снилась синеглазая. И то, что ему снилось, ей бы вряд ли понравилось. А для него все было так реалистично, будто между ними действительно что-то произошло.

Когда он проснулся, то в первые секунды не понял, куда Полина исчезла из его кровати. А когда понял, что ее и не было рядом, откинулся на постель и прикрыл глаза.

Глава 7. Сосед за партой

Утром я едва продрала глаза. Сегодня должен был состояться мой первый полноценный учебный день в новой школе, к тому же классная просила прийти пораньше, чтобы провести со мной беседу. Поэтому опаздывать было нельзя, хотя спать хотелось ужасно. Распахнуть шторы, как я привыкла делать ранним утром, не получилось. Вдруг этот извращенец опять подглядывает?!

Вчера я слишком поздно увидела Дуболома. И то, совершенно случайно – из-за светящегося экрана телефона. Барс сидел на подоконнике в своей комнате в темноте и бесстыже пялился на меня. Скорее всего, видел, как я раздеваюсь! За это хотелось вмазать ему как следует, но он же самый крутой тип в этой школе, с ним нельзя связываться и все такое.

Перед тем как выйти из спальни, я все-таки выглянула из-за штор. Но Барса не увидела.

После завтрака отчим снова решил забросить меня в школу – он предложил это таким тоном, будто бы делал мне великое одолжение.

– Ты такой заботливый, Андрей, – улыбнулась мама, обнимая его. – Спасибо, что так хорошо относишься к Полинке. А ты больше не приходи так поздно, – повернулась она ко мне. – Где после школы ходила?

– С девочками гуляла, – ответила я. Отчим внимательно на меня посмотрел, и я не стала рассказывать ей о том, что он велел мне не приходить домой до восьми вечера.

– Не задерживайся так долго, сегодня из школы иди домой, – нахмурилась мама. – Я ведь волнуюсь.

– Хорошо, – кивнула я. Мы попрощались, и я пошла следом за отчимом. Байк Барса, на котором тот вчера умчался в ночь, был припаркован возле его подъезда. Глядя на него, я вдруг подумала, что хотела бы однажды прокатиться на мотоцикле, крепко держа парня за пояс. Это было моей маленькой мечтой.

Отчим довез меня до школы в абсолютном молчании. И даже ничего не ответил, когда я поблагодарила его, – лишь кивнул, решая в мессенджере какие-то важные вопросы. Едва я вышла, как он уехал.

В школу идти не очень хотелось, однако пришлось. Для меня все тут было в новинку. Проход – строго по картам, которые нужно было прикладывать к турникетам, как в метро. Вместо раздевалки на первом этаже – ряды шкафчиков, как в фильмах про американских школьников. Все ученики в форме. В холле висит стенд с фото лучших учеников из каждого класса. Как объяснила Дилара, каждый месяц фото менялось в зависимости от личного рейтинга. А те, что висели сейчас, остались еще с мая. В нашем 11 «А» лучшей была Наташа.

Перед уроками меня встретила Ольга Владимировна и увела в свой класс. Прочитала мне короткую лекцию о школе, вручила ключи от шкафчика номер триста пять, спросила, куда я планирую поступать и какие экзамены буду сдавать, а также предложила записаться на факультативы – их в школе было много, и все – бесплатные.

– Их расписание будет вывешено позднее, – добавила она. – Выбирай то, что тебе нравится, но помни, что количество учащихся на каждом факультативе ограничено. Не тяни. И да, напиши мне номер телефона своей мамы – я добавлю ее в родительский чат. Там уже начинают обсуждать ваш выпускной.

Мама родительский чат недолюбливала – в старом то и дело все ругались, споря, что подарить учителям или куда поедет класс. Честное слово, мы так не ссорились, как наши родители порою.

– Учебники будут выдавать в пятницу.

– Хорошо, Ольга Владимировна, – поблагодарила я классную.

– Если понадобится помощь, пиши мне или звони в любое время, – улыбнулась она. – Ребята у нас хорошие, я уверена, ты быстро найдешь друзей. Беги на урок, Полина. Тебе на второй этаж, кабинет двести пять. У вас будет русский язык.

Я встала из-за парты и пошла к двери. Толкнула ее и... едва не попала прямо по роже Барса. Разумеется, он снова был не в форме. Типа крутой, да? Идешь против правил?

Барс сердито на меня глянул, а я, отвернувшись, пошла прочь.

– Ты снова без формы? – раздался голос Ольги Владимировны.

– Хотел поговорить об этом, – спокойно ответил парень. – Приду в ней завтра, ок?

Остального я не слышала. Дверь закрылась.

До класса русского языка я добралась не сразу – пришлось поискать лестницу. Школа была просто огромная, и я в ней пока терялась. Не школа, а Хогвартс какой-то, честное слово!

В класс я заходила с опаской. И не зря – одноклассники снова уставились на меня. Парни – с интересом, девчонки – оценивающе. Я улыбнулась и громко поздоровалась.

– Привет, новенькая! – весело крикнул мне парень со стрижкой Лео Ди Каприо в молодости. И даже помахал мне. Пришлось помахать в ответ. Из-за этого на меня недобро уставилась Малиновская. Кажется, она ревновала. Только зря.

Я села на свое место рядом с Наташей, которая, надев очки, читала какую-то книгу.

– Привет, – сказала я ей, и она кивнула в ответ, не отрываясь от чтения.

Не успела я вытащить пенал, тетрадь и дневник, как в класс ворвались Милана, Дилара и близняшки. Они сложили сумки и рюкзаки на парты и потащили меня в коридор – жутко хотели знать, с кем я вчера гуляла.

– Рассказывай, это твой парень? – хищно уставилась на меня Дилара. – А говорила, что никого нет!

– Это не мой парень, – запротестовала я. – Это друг детства! Мы общались когда-то, потом он переехал, и мы случайно встретились.

Девчонки ахнули и потребовали подробностей. Пришлось рассказывать. Они слушали и восхищались – такой романтичной казалась им эта история. И все шло ровно до тех пор, пока не прозвенел звонок. Народ в коридоре заволновался, все заспешили в классы. Около кабинета меня толкнул какой-то торопящийся парень, и я, оступившись, полетела на пол. И точно бы упала, если бы меня не поймали чьи-то крепкие руки.

Мое сердце пропустило удар, когда я поняла, кто поймал меня. Барс. Это был он.

Наши взгляды встретились, и я побелела от шока. Девчонки уставились на нас со смесью восторга и ужаса.

– Осторожнее, идиотка! – рявкнул Барс, зачем-то продолжая удерживать меня. Не знаю, как так вышло, но моя ладонь лежала на его груди, которая казалась каменной. И поняв это, я тотчас отдернула руку и вырвалась из его объятий.

– Прости, – тихо сказала я.

– Бог простит, – ухмыльнулся Барс и зашел в кабинет первым, закрыв дверь у меня под носом. Хамло!

– Со стороны это выглядело романтичным, – захихикала Дилара.

– Идиот тупой, – прошипела я, но девочки тотчас нахмурились.

– Не надо говорить так про него, – тихо посоветовала Милана. – С Барсом надо или похорошему, или никак. Поняла?

– Поняла...

– Эх, жаль, что не меня на Барса толкнули, – мечтательно вздохнула Яна. – Он такой сильный... Интересно, как он целуется?

– Вопросы о поцелуях будете решать после уроков, – раздался голос русички – полной женщины со строгим лицом, которая выглядела как типичная строгая учительница. Черные

пиджак и юбка, белая блузка, очки в прямоугольной оправе с цепочкой и журнал под мышкой. – Заходите, девочки. Не будем терять время.

Пришлось спешно залетать в класс и рассаживаться по местам. Начался урок русского языка.

С русским я всегда дружила, да и вообще гуманитарные предметы давались мне достаточно легко. Некоторые проблемы доставляли физика и химия, зато по математике я была одной из лучших – со мной занималась высококвалифицированный репетитор, с которой мы за год освоили программу двух классов, и теперь она натаскивала меня на ЕГЭ. Разумеется, до того как я переехала. Однако мама договорилась с ней, что мы будем заниматься дистанционно, по скайпу.

Урок шел нормально до тех пор, пока Барсов и его темноволосый, коротко стриженный дружок не стали смеяться. Не знаю, что их там смешило, но это повторилось раз, два, а на третий русичка, которую звали Людмила Руслановна, вскипела:

– Барсов, встал и вышел, – велела она. Как я и думала, класс Людмила Руслановна держала в ежовых рукавицах.

– Куда вышел? – уточнил Барс без особого страха в голосе.

– А ты как думаешь куда? – сощурилась учительница.

– Могу в окно, – предложил он дерзко. Поднялся и действительно направился к окну. Даже успел распахнуть его.

– Барсов! А ну перестань валять дурака!

– Да я никого не валяю, Людмила Руслановна. Костров же на месте, – кинул насмешливый взгляд на друга Барс под хихиканье одноклассников. И тот показал ему средний палец. – Я выхожу, как вы и велели.

– Куда ты выходишь?! – потеряла терпение учительница.

– В окно.

– Выйди из класса, Барсов. Через дверь. Как все люди. Даю тебе десять минут, чтобы успокоиться. Потом вернешься.

– А если я не хочу возвращаться? – спросил он нагло. Смешки стали громче.

– Тогда не возвращайся. Твое право. А теперь выйди и дай мне объяснить тему твоим одноклассникам. Не воруй у них время.

Барс небрежным жестом схватил рюкзак и действительно ушел. На русский язык он больше не вернулся. Я увидела его лишь на следующем уроке – на истории, которую вел интересный учитель. Это был мужчина лет шестидесяти, с лысиной и бородкой, который так увлеченно рассказывал обо всем, что я заслушалась. Казалось, заслушался весь класс, даже тупой Барсов. И уже потом от девчонок я узнала, что он на самом деле преподаватель в местном государственном университете, работает на истфаке. И заодно учит детей в школе.

На следующих трех уроках Барсов снова вел себя вызывающе. Поэтому на последнем, когда мы снова оказались в классе нашей Ольги Владимировны, она первым делом заявила:

– Так, Барсов и Костров, сладкая парочка. Сегодня только второе сентября, а на вас уже три учителя пожаловались.

– Мы ничего не делали, Ольга Владимировна, – заявил дружок Барса.

– Да вы что? Вас оклеветали? С ума сойти, – усмехнулась Ольга Владимировна. – Одиннадцатый класс, вы уже совсем взрослые, а ведете себя хуже пятиклассников. Не думала, что буду делать это, но вы меня вынуждаете. Сейчас я вас рассажу. И отныне вы будете сидеть так, как я сказала. Рассадка не только их двоих касается, – обвела строгим взглядом класс учительница. – После лета у многих дисциплина хромает.

По кабинету пронесся встревоженный гул. Пересаживаться никто не хотел, однако пришлось подчиниться. Мне-то было все равно, а вот остальные волновались.

В итоге Ольга Владимировна рассадила добрую половину класса, стараясь к девочке посадить мальчика – благо что и тех, и других было поровну. Милану посадили с одним дружкой Барса, белобрысым, а к Диларе посадили другого, с короткими волосами и хулиганским лицом, того самого Кострова.

– Так, Барсов, в этом году будешь радовать меня за первой партой, – в самом конце сказала Ольга Владимировна, и тот со стоном закрыл лицо руками. – Сядешь на место Наташи. А ты, Наташа, переберешься на второй ряд к Толе.

Глаза моей соседки округлились. Явно ни к какому Толе она пересаживаться не хотела. А до меня дошло, что классная решила посадить Барса со мной.

О. Мой. Бог. Только не это.

– Ольга Владимировна, я тут привыкла, – жалобно протянула староста. – Можно я останусь? Пожалуйста.

– Наташа, пересядь, пожалуйста, – сдвинула брови учительница. – Барсов, тебе особое приглашение нужно?

– Мне никакого приглашения не нужно, – глухо ответил тот. Почему-то я думала, что он ослушается Ольгу Владимировну и не пересядет. Останется на галерке в одиночестве. Но он все-таки сграбастал ранец, подошел и в сердцах бросил его на мою парту. После сел сам – да так, чтобы быть подальше от меня. Еще и отвернулся. Дуболомина несчастная!

– Замечательно, – поджала губы Ольга Владимировна. – Начинаем урок. И да, если я узнаю, что вы пересаживаетесь без моего ведома, вызову родителей. Я не допущу, чтобы учителя делали мне замечания по поводу вашего поведения. Уяснили?

По классу снова пронесся гул. Мол, уяснили.

Начался урок.

Я записывала теорию за Ольгой Владимировной, которая, как оказалось, хорошо разбирается в математике, и легко решала уравнения. Даже к доске вышла по собственному желанию, потому что знала решение – проходила со своей репетиторшей. А вот Барсов явно скучал. То зевал, то начинал что-то чертить в своей тетради. Ко мне он не поворачивался, будто я была не человеком, а мусорным баком, от которого несло помойкой.

– Барсов, сядь ровно, – не выдержала наконец Ольга Владимировна. И только тогда он нехотя сел прямо. Я искоса на него взглянула и подумала, до чего же он мрачный тип. И почерк у него корявый. И наверняка он тупой как валенок.

Он обернулся, зараза такая, и поймал мой взгляд.

«Что?» – прошептал он одними губами, причем с таким зверским выражением лица, что я, задрав нос, отвернулась. Идиот. И угораздило же меня так попасть. Мало того что живет напротив, так еще и одноклассник, с которым мне приходится делить одну парту. Может быть, меня прокляли?

Урок закончился, и мы стали собирать вещи. Других уроков на сегодня во временном расписании не стояло, и одноклассники спешили домой. Мне тоже не хотелось задерживаться в школе. Я обещала маме прийти домой пораньше.

– Черный? – вдруг тихо спросил Барс.

– Что? – не поняла я. И тогда он кинул выразительный взгляд на мою грудь.

– Черный, говорю? – нахально повторил он.

– Зеленый в горошек, – сорвалось у меня с языка. Да что за подлый червяк?!

На его разбитых губах появилась знакомая веселая улыбочка.

– Мне нравится черный. Носи чаще, а лучше вообще не носи, – прошептал он мне на прощание и смылся вместе с друзьями. Был бы он обычным парнем, я бы в него пеналом запустила, ей-богу!

Домой я вернулась в хорошем настроении. Шла вместе с Диларой – мы жили неподалеку. И всю дорогу болтали. Кажется, в школе меня приняли неплохо и вроде бы даже подружки

появились. Мы и так общались, и в общем чате переписывались. Значит, жизнь не так уж и плоха!

Мама накормила меня обедом – разумеется, приготовила лазанью, которую любил Андрей. И унеслась в магазин. Андрею нужно было купить новые рубашки, ведь у него самого не было времени, и что-то там еще. Почему Андрей сам себе ничего не покупает, я не знала. Меня вообще раздражало, что мама делает все, что он скажет. И готовит, и убирается, и стирает, и не выходит на работу, потому что Андрею так нравится. Вот папа был другим. Он помогал маме по дому, несмотря на то что уставал на работе, и со мной возился все время. Папа действительно был хорошим человеком. Жаль, что хорошие люди уходят раньше.

* * *

Лайм и его девушка – черноволосая Карина – сидели за столиком в уютной кофейне, которая располагалась на первом этаже большого торгового центра, популярного не только в их районе, но и за его пределами. Кроме них молодежи в кофейне не было – она считалась «мажорской», и обычно тут сидели взрослые – кто приходил с семьей, кто в одиночестве восседал за барной стойкой, работая на ноутбуке. Их ровесники предпочитали места подешевле – «КФС» или «Макдоналдс».

Лайм и Карина тихо переговаривались, держась за руку. И время от времени целовались. Они оба хотели выглядеть взрослее, чем были, и поэтому их поведение могло показаться кому-то вызывающим.

Их идиллии помешал кудрявый шатен, друг Лайма, который вел за собой высокого симпатичного паренька с каре и аккуратным пробором посередине. Девушка Лайма заинтересованно на него взглянула – смазливый, в ее вкусе. А парень тотчас ей улыбнулся.

– Здорово, чел! – за руку поздоровался с Лаймом шатен. И кивнул на своего спутника. – Это мой дружан, где та девка учится. Они одноклассники, прикинь?

– Егор, – протянул руку его спутник. Лайм проигнорировал ее и кивнул на стулья напротив. Мол, садитесь.

– Значит, ты знаешь ее? – уточнил он, откинувшись на спинку диванчика.

– Новенькую? – уточнил Егор. – Ну да. Знаю.

– Как ее зовут?

– Полина Туманова. Переехала с родаками из другого города. Мать домохозяйка, батя – менеджер чего-то там, какой-то руководитель. Живут в Васильевском ЖК.

Лайм поморщился. Батя. Какой он ей батя? Это его папаша, не ее.

– И какая она, эта Полина Туманова?

– Без понятия, – пожал плечами Егор. – Видел ее два раза. Ну так, вроде обычная. Не шумная. Хорошенькая, но так, на один раз. А что?

– Хочу, чтобы ты устроил ей веселую жизнь.

– Переспать, что ли? – На лице Егора появилась широкая тупая улыбка.

Лайм закатил глаза.

– Чел, ты идиот? Я не про это. – Лайм неожиданно подался вперед, держа на столе руки, сомкнутые в замок. – Устрой ей буллинг. Чтобы ее все ненавидели.

– Зачем? – Улыбка пропала с лица Егора.

– Потому что я так хочу, – жестко ответил Лайм. – Я заплачу. Бабки есть.

– Сколько? – только и спросил Егор, посерьезнев. Деньги ему были нужны.

Явно копируя кого-то из взрослых, Лайм взял салфетку и написал на ней сумму. Показал Егору, и тот медленно кивнул.

– Окей. Половину гони вперед. Половину – после того как цель будет достигнута.

– С тебя фото и видео как подтверждение. И да, чел, мое имя никак не должно в этом фигурировать. Типа я вообще ни при чем, усек?

– Усек, – ухмыльнулся Егор. – Сделаю. Ты хочешь, чтобы она ушла из школы? Или что?

– Хочу, чтобы ей было плохо. А остальное тебя не должно волновать.

– Делай перевод на карту, и я начну веселье, – хмыкнул Егор. – Все сделаю по высшему разряду.

Четверть часа они обговаривали какие-то детали, после чего Лайм перевел Егору половину обещанной суммы. Аванс за травлю новенькой. После этого Егор ушел, оставив Лайма, его девушку и друга втроем.

– Зачем тебе это? – поморщилась девушка. Ей не нравилась его затея. – Глупость. Отца это не вернет, верно?

– Я просто хочу немного поиграть, Карин. – Серые глаза Лайма опасно блеснули. – Это отцу за Сашку и ее слезы. И за мать. Жить спокойно я ему и его новой бабе не дам.

Девушка погладила его по волосам, а он поймал ее за руку, притянул к себе и по-взрослому чувственно поцеловал.

* * *

Как хорошая девочка, я первым делом сделала уроки, потом поговорила с бабушкой, пообщалась в мессенджере с подругами из родного города и с Игорем. Если честно, я очень ждала его сообщения, и он написал мне вечером. От восторга я прыгала едва ли не до потолка. Найти друга детства – дорогого стоит. Особенно такого друга – взрослого, умного и красивого.

Мои школьные подружки тоже помнили Игоря, и когда я прислала им его фото, не признали в нем того мальчишку с вечно разбитыми коленками. А когда поняли, кто это, активно принялись нас сватать. Ирка больше всех писала, да еще и капсом, что я должна сделать его своим. Но как я его своим сделаю? Привяжу к ноге, что ли? Но на это подруга возразила, что я должна его соблазнить. И поцеловать. Такая перспектива мне нравилась, но я надеялась, что это сделает Игорь. Соблазнит меня и... поцелует. Если, конечно, перестанет думать о своей Вике-предательнице.

Вернулась мама и загрузила меня работой по дому. Видите ли, Андрей любит, когда чисто и ни пылинки. Я вот тоже любила чистоту, но когда мы остались с ней вдвоем, она ради меня не убиралась – это делала бабушка... Но маме ничего не говорила – терпела. Пусть она будет счастлива.

Вечером она отправила меня в магазин – забыла купить яйца, а ей срочно захотелось сделать шарлотку перед приходом отчима. Пришлось подчиниться. Но что не сделаешь ради мамы?

В магазине я купила все что нужно, не забыла взять себе любимый шоколад с цельным орехом, а еще присмотрела недорогой корм для кошек – разумеется, мне на глаза попался очередной представитель семейства кошачьих, который гордо разгуливал возле мусорных баков. Положу ему корм неподалеку, пусть поест, бедолага. И везет же мне на уличных животных. Жалко всех до ужаса... Всем хочется помочь.

Кота возле мусорных баков не обнаружилось, но я все равно аккуратно выложила влажный корм на листик, который нашла в рюкзаке. А упаковку выбросила. Однако отойти от помойки не успела – увидела... Да, именно, Барса.

– Место встречи изменить нельзя, – заметив меня, сказал он, стоя с мусорным пакетом в одной руке и с поводком в другой. Его пес внимательно на меня смотрел.

– Голову новую приобрести нельзя. А все остальное можно, – опять огрызнулась я и тут же пожалела. Почему я все время забываю, что он тут местный авторитет среди подростков?

– Слушай, а ты всегда такая дерзкая?

А ты всегда такой тупой, хотелось спросить мне. Но, разумеется, я промолчала. Просто пожала плечами.

– Обычная.

– Советую быть тебе со мной максимально вежливой, девочка. Или ты еще не поняла, кто я? – угрожающе спросил Барс, явно желая выглядеть крутым. Но в моих глазах все равно оставался несчастным Дуболомом. Похитителем котов и извращенцем.

– Да я уже все поняла. Меня просветили.

– И? – поднял он бровь со шрамом.

– Что – и? – не поняла я.

– Ты меня не боишься? – вкрадчиво спросил Барс.

– Очень боюсь, – честно ответила я, но получилось как-то по-издевательски. Как будто бы я его дразню! А это последнее, что мне сейчас хочется! И я спешно решила перевести разговор. – Как котенок?

Его судьба действительно меня волновала.

– Хорошо, – пожал плечами Барс.

– Твоя зверюга его не трогает?

В глазах пса появилось осуждение – мол, кто кого трогает?

– Какая тебе разница? – задумчиво спросил Барс.

– Я просто беспокоюсь, – сердито ответила я. – Слушай, а как ты его кормишь? Надеюсь, не человеческой едой? Лучше всего кошкам корм покупать, хороший. Я могу марку посоветовать или купить, если хочешь, и...

– Как тебя зовут? – вдруг перебил меня Барс.

– Полина. Полина Туманова, – растерялась я. Неужели не помнит? Я же представлялась!

– Слушай, Полина Туманова. Иди в задницу со своими советами. Я сам разберусь, что делать со своим котом. – В его взгляде появилось презрение.

Ага, разберется. Похоже, он не разбирается, что с самим собой делать. Не то что с котом.

– Но...

Барс оттолкнул меня, выбросил мусор в бак и сделал шаг в сторону, явно желая уйти. Своей белоснежной кроссовкой он наступил ровно в кошачий корм, который лежал на асфальте. У меня от изумления с губ сорвался нервный смешок. Дуболомина кривая! Под ноги, что ли, не смотрит?!

– Твою мать, – отчетливо сказал Барс и выдал пару крепких слов, явно решив, что наступил не на корм, а на кое-что другое. – Это еще что за дерьмо?!

Его пес коротко гавкнул и с интересом стал обнюхивать кроссовку. Барсу пришлось отпихнуть его.

– Это не дерьмо. Это корм, – кротко сказала я, едва сдерживая новую порцию смешков.

– В смысле? – поднял на меня злобный взгляд Барс. – Какой еще корм?!

– Влажный, для котика, – улыбнулась я. – Тут один бегал бездомный, и я решила его покормить... Купила, выложила на листик, а ты наступил...

– Котик, значит, бегал?

– Ага, – похолодела я от его перекошенной физиономии.

– А теперь ты беги, – посоветовал мне вдруг Барсиков. – Беги, Туманова, пока я тебя не поймал. Иначе я в тебя этот корм запихаю, клянусь.

Я решила не рисковать – слишком уж покраснели его глаза. И убежала. Так смешно мне не было уже очень давно.

Обернулась я всего один раз и снова чуть не заржала на весь двор – пес пытался слизать с кроссовки Барса прилипший корм, а тот ругался.

Я помогла маме с шарлоткой. Ну, как помогла? Морально поддерживала, пока она готовила. И рассказывала ей про новую школу, учителей, одноклассников. Сказала, что классная добавит ее в родительский чат.

– А с кем ты разговаривала на улице? – вдруг спросила мама, когда мы закончили, а квартира наполнилась ароматом свежей выпечки, яблок и корицы.

– А? – не поняла я.

– Ты возле мусорных баков стояла с каким-то парнем. У него еще собака на поводке была. Он тебе нравится? – Мама улыбнулась. И я поняла, что она о Барсе. Наверное, увидела нас из окна.

– Ты что, мам! Это мой ненормальный одноклассник! Живет в доме напротив! – Я замахала руками от негодования. Нет, фигурка у Барсикова просто топ, но чтобы он мне нравился? Упаси Господи!

Маме почему-то стало смешно, и она попыталась выведать у меня информацию про него, но я ограничилась веской фразой «он просто местный идиот».

– Мы с твоим папой тоже сначала друг друга невзлюбили, – вспомнила мама.

– Что значит – тоже? – подозрительно спросила я.

Она положила ладонь под щеку и вздохнула, с улыбкой глядя в стену.

– Когда мы познакомились, он жутко меня раздражал. Казался наглым и высокомерным. У него уже была своя машина, знаешь, такая, с низкой подвеской. И он всюду рассекал на ней, громко включив музыку. А еще у него была спортивная куртка, как у Михаэля Шумахера. Все девчонки за ним бегали, а он такой гордый был. Ни с кем не встречался. Волк-одиночка. – Мама почему-то рассмеялась, явно припомнив какой-то смешной случай.

– А с тобой почему стал встречаться? – с интересом спросила я. Раньше мы про это не говорили. После смерти папы мама долгое время не могла говорить о нем без слез.

– Потому что я его послала, – звонко рассмеялась мама. – Единственная из всех. Вот он меня и запомнил. Знаешь, Полинкин, с доступными девушками мужчины веселятся, а с недоступными – остаются. Чувствуют себя завоевателями, покорившими Эверест.

Теперь уже засмеялась я.

Идиллию прервало появление Андрея. Мама услышала, как в замке поворачивается ключ, и побежала встречать отчима. А я подумала, какая она для него? Доступная или недоступная? Почему мама так сильно хочет ему угодить? Почему делает все, что он говорит, а не слушает себя? Неужели она вела себя так и с папой?

Следующие полчаса пришлось провести с мамой и отчимом за столом. Андрею нравилось играть в семью, но меня это раздражало. Мы – чужие люди, и я терплю его только ради мамы.

– Дана, ты просто чудо, мне так с тобой повезло, – в конце ужина сказал он, и мама засветилась как солнце.

– А мне с тобой, мой хороший.

Я едва не закатила глаза. От необходимости и дальше слушать их воркование меня освободил звонок на телефон Андрея. Он глянул на экран и нахмурился, но ответил на звонок.

– Что случилось? – спросил он, вставая из-за стола. – Что ты сказала? Гонки? Полиция? Да, понял. Приеду, адрес диктуй. И скажи мне – как ты это допустила, Регина? Ты уверена, что хорошая мать? Не кричи. Не кричи, я сказал!

Его голос звучал зло, и мы с мамой переглянулись, ничего не понимая. Андрей скрылся в спальне, и мама пошла за ним. Какое-то время они разговаривали, и отчим пару раз повысил голос – не на маму, а на какую-то Регину, которая снова стала ему звонить.

Мама вернулась на кухню сама не своя.

– А что случилось? – шепотом спросила я.

– Сын Андрея участвовал в каких-то нелегальных гонках, и их поймали, – тоже шепотом ответила мама.

У меня округлились глаза.

– Гонках?.. А сколько ему лет-то?

– Твой ровесник, тоже ходит в одиннадцатый класс.

О том, что у Андрея есть дети, я знала, но никогда не интересовалась, сколько им лет. А сейчас подумала – оказывается, у меня есть сводный брат, которому тоже семнадцать... Моя романтическая натура представила, что было бы, если бы мы познакомились. В книжках и сериалах сводные брат и сестра просто обязаны влюбиться друг в друга и наперекор всему быть вместе! Но я не уверена, что в жизни это возможно...

Андрей вылетел из квартиры, и мы остались вдвоем с мамой. Я вымыла посуду, посидела в чате с подружками из родного города и решила пойти спать. Но перед сном все же отодвинула штору и заглянула в окна Барса. В них снова было темно. Почему в них никогда не горит свет? Его родители допоздна работают, что ли?

Глава 8. Джентльмен поневоле

Утром по традиции я едва разлепила глаза, хотя учеба начиналась со второго урока. Андрея уже не было дома. Мама сказала, что он приехал поздно и очень злой и сегодня уехал рано, поэтому в школу мне нужно будет добраться самой.

– Я тебе такси вызову, – предложила она, а я отказалась – посмотрела на часы и поняла, что успею дойти. Я не опоздала. Ворвалась в класс по физике на втором этаже ровно за пять минут до начала. Поздоровалась с девчонками, которые тут же посвятили меня в местные сплетни о том, кто встречается, а кто расстался. А со звонком я села за свое место. Барсикова в классе не было – наверное, решил прогулять.

Вошла физичка – высокая подтянутая женщина с крайне унылым выражением лица и пучком на голове. Как меня уже просветили, это была Атом, то есть Алена Томасовна. Увидев ее, одноклассники мигом замолчали и встали на ноги, приветствуя ее.

– Здравствуйте, садитесь, – велела она, открывая журнал и сверяясь со списком учеников. А затем начала зачитывать имена и фамилии. Ученики поднимали руку и отвечали «здесь».

– Дмитрий Барсов, – быстро дошла она до Барсикова и подняла взгляд на присутствующих. – Барсова нет, я так полагаю?

– Нет, – подтвердил его блондинистый друг.

– Зато он навсегда в наших сердцах! – выкрикнул его второй дружок.

– Молчать, – рявкнула Атом. – Разговорчики будут на переменах. Так значит, он опять за старое? Прогуливает?

– Не прогуливаю. – Вдруг распахнулась дверь. В класс развязной походкой вошел Барсов. Еще и зевал на ходу, как бегемот. Волосы растрепанные, вид сонный. Проспал, что ли?

– Явился не запылится! – воскликнула учительница. – Почему без формы?

– А вы? – вопросом на вопрос ответил он.

– А что я? – даже растерялась Атом.

– Почему вы без формы, говорю?

– А должна быть?!

– Ну да. Вам же, наверное, нравится. Как увидите меня, все время спрашиваете про форму, – снова зевнул он и положил рюкзак на парту рядом со мной.

– Хватит дерзить, Барсов. Я не твоя подружка, – рассердилась Атом.

– И слава богу, – вырвалось у него. Его дружки захихикали – явно представили что-то похабное.

– Выйди вон, – взяв себя в руки, велела учительница. – Ты мешаешь мне вести урок.

Барсова не пришлось просить дважды. Он вышел, да еще и дверью хлопнул так, что я вздрогнула от неожиданности. Алена Томасовна продолжила называть имена учеников. И, наконец, дошла до меня.

– Полина Туманова.

– Здесь!

– Ты новенькая, верно?

– Да.

Атом смерила меня внимательным взглядом, но ничего больше не сказала. Урок продолжился. Физика всегда мне нравилась, хоть я и не была особенно в ней сильна, однако Алена Томасовна вела предмет так скучно и непонятно, что в конце урока у меня в голосе все смешалось в кашу. Впрочем, не я одна была такой. Девчонки тоже ничего не понимали, но никто не парился, кроме Миланы. Ей хотелось, чтобы в аттестате стояла четверка как минимум. Она же в Питер собралась поступать. Тряслась за каждую оценку.

Следующим предметом была биология, и там его величество Барсиков все-таки присутствовал. Сидел как король, закинув ногу на ногу, и играл в телефоне. Меня он не замечал. Зато я заметила, что свои белые кроссовки он отмыл просто замечательно. Биологичка, молоденькая девушка, решила не обращать на него внимания. И просто рассказывала новую тему. Я пыталась ее слушать, но постоянно чувствовала взгляд, направленный в спину. Оказывается, на меня все время пялился Егор – тот, который с прической юного Ди Каприо. Что ему от меня нужно было, я не понимала. Он смотрел и улыбался, как будто бы ждал чего-то. Но я мысленно пожимала плечами и отворачивалась.

На большой перемене мы с девчонками пошли в столовую. Она находилась на первом этаже и была просто огромной – со столовой в моей старой школе просто не сравнить. Кроме того, каждому школьнику тут полагался обед на выбор. Обеды были запакованы в специальные контейнеры, и получить их можно было на раздаче, где по традиции стояла большая очередь. У учителей раздача была своя, и столы – тоже свои. Они находились в самом углу, и я по незнанию чуть не села за один из них. Благо что Яна оказалась рядом и утащила меня в другой конец столовой, где Аня нашла свободный столик.

Едва мы сели, как к нам подошел Егор со своим подносом и уселся рядом со мной.

– Сяду с тобой, новенькая? – спросил он, откинув жестом профессионального соблазнителя челку.

– Ты уже это сделал, – заметила я.

Дилара удивленно взглянула на одноклассника, Милана – на меня, а близняшки просто переглянулись.

– Как тебе наша школа? – продолжал Егор, улыбаясь мне так широко, будто хотел продемонстрировать все свои зубы.

– Мне нравится, – пожала я плечами.

– А почему перевестись решила?

– Мы переехали.

– Ты в саду жила? – не отставал он.

– Почему в саду? – опешила я.

– Наверняка твои родители садовники. Иначе откуда у них такая розочка? – пошутил одноклассник. Наверное, он хотел блеснуть остроумием, но не вышло. Такие дешевые подкаты меня лишь раздражали.

– А ты случайно не сын фермеров? – ласково спросила я.

– Э-э-э... Нет.

– Тогда откуда у них такой овощ?! Или они у тебя с лесопилки?

– А лесопилка при чем? – заморгал Егор.

– Потому что откуда у них такое бревно? – подхватила Дилара, и девчонки прыснули. – Власов, чего ты хочешь?

– Поговорить с новенькой, Айдарова.

– Мне кажется, тебе лучше бы с Ликой поговорить, а то она тебя ищет, – встряла Милана и глянула в сторону – туда, где за столиком сидела Лика Малиновская и ее компания, состоящая из парней и девчонок, которые вроде как считали себя элитой. По крайней мере, по словам одноклассниц. Малиновская смотрела то на Егора, то на меня, и ее взгляд не сулил ничего хорошего. Лике явно не нравилось, что ее парень общается со мной.

На уроке русского Власов прислал мне записку – пустил самолетик, который упал прямо на парту. Но не на мою половину, а на половину Барсова. И тот моментально захватил записку. По его взгляду я поняла – не отдаст ее просто так.

– Эй, – толкнула я Барсова в бок, и он опешил.

– Что?

– Отдай! Это мое.

– Теперь мое, – отозвался он с нехорошей улыбочкой и стал разворачивать самолетик.

– Это что еще такое? – недовольно спросила русичка, которая как раз стояла рядом. Она ловко вырвала из пальцев Барса самолетик и развернула его. Глаза ее полезли на лоб, и она зачитала вслух: – «Ты такой котик, что рядом с тобой хочется мяу-мяу. Встретимся после школы? Егорка».

Класс грохнул от смеха.

– Знаете, мяу-мяу будете делать в свободное от занятий время, – сказала русичка. – Хоть мяу, хоть гав, хоть кукареку.

Смех стал еще громче. Даже Егору было смешно, а вот я, Барс и Малиновская не смеялись. Последняя так вообще смотрела на меня взглядом профессионального киллера. Я почувствовала себя неуютно. Барс тоже разозлился и показал Власову кулак. Тот сразу потух. А я в очередной раз поразила наглости Дуболома. Сначала сам лезет в чужие записки, а потом еще кого-то винит! Молодец, ничего не скажешь!

– Ребята, тихо! Вот, Барсов, возьми записку. И попытайся сосредоточиться на уроке, – вернула русичка развернутый самолетик, и Барсов одарил ее злобным взглядом.

– Это не мое. А вы заткнитесь! – рявкнул он так, что одноклассники действительно замолчали.

– Барсов, тихо! Вы сейчас проверочный диктант писать будете. И не забудьте записать домашнее задание – вам учебники выдадут сегодня, так что к понедельнику чтобы сделали три упражнения. А теперь достаем двойные листочки!

Все сразу зашумели. «А у меня нет листочков», «А можно не двойной, а простой?», «А поделитесь листиком, кто может».

Барсов с ненавистью выдрал двойной листочек прямо из тетради по русскому, и учительница покачала головой.

Как он написал диктант, понятия не имею. Мне казалось, Барсиков будет списывать, но нет, он даже не смотрел в мою сторону, будто я прокаженная.

После уроков нам предстояло пойти в библиотеку и получить учебники. А потом – два дня выходных! Настроение портило только внимание Егора и недобрые взгляды Малиновской, которая при виде меня что-то начинала шептать своим подружкам-оторвам. Неужели решила, что мне действительно нужен Власов? Глупости какие! Он, конечно, смазливый и все такое, но не в моем вкусе. Мне даже Барсиков нравится больше.

Библиотека находилась на третьем этаже, и рядом с ней возникла настоящая очередь – сегодня учебники получали все одиннадцатые классы. Пока мы ждали, когда подойдет наша очередь, я оставила рюкзак девчонкам и помчалась в туалет, и уже там стала свидетельницей странного разговора. Я мыла руки, когда услышала голоса Ольги Владимировны и Алены Томасовны, которые остановились в коридоре где-то неподалеку от женского туалета.

– Барсов опять без формы, – выговаривала Атом классной руководительнице.

– Мы с ним об этом говорили. Он в начале следующей недели будет в форме, – твердо ответила та. – Директора я в известность поставила.

– А почему он сейчас не в форме, Ольга Владимировна?

– Потому что у него были проблемы с деньгами.

– Погодите, так у него отец сам... Ну, вы знаете кто. Неужели он сыну форму купить не может?! Может быть, позвонить ему? Врет же небось, засранец!

– Нет! – вдруг воспротивилась Ольга Владимировна. – Не надо его отцу звонить. Мы все уже решили. Мир не перевернется, если один ученик побудет без формы несколько дней.

– Балуете вы его! А таких, как Барсов, держать на поводке нужно.

– Он что, по-вашему, пес? – возмутилась классная.

– Бросается на других, как пес, все верно! Ни одна четверть без драки!

– В первую очередь он – брошенный ребенок!

– Да какой он ребенок, не смешите, – фыркнула Атом. – Вымахал как конь. И думает, что весь мир ему должен. На уроке вел себя отвратительно. Примите меры, Ольга Владимировна. Иначе я вопрос ребром на педсовете буду ставить. Понятное дело, директор его исключать не станет. – В ее голосе послышалась насмешка. – Но пусть хотя бы отец меры примет.

На этом учительницы разошлись. А я вздохнула. Интересно, почему Ольга Владимировна называет Дуболомину брошенным? Мне вдруг захотелось все о нем знать, но я отогнала от себя эти мысли и пошла в библиотеку. И уже вскоре получила столько учебников, сколько не получала никогда в жизни! Библиотека в новой школе оказалась очень щедрой! У меня было четыре пакета, которые едва не лопались от книг.

Ученики, видимо, привыкли к тому, что учебников выдавали много. Те, кто жили подальше, заранее договорились с родителями, чтобы те помогли дотащить книжное богатство до дома. У близняшек пришел папа, а у Дилары приехала на машине мама. Милана жила прямо напротив школы, поэтому особо не парилась. А я задумалась – как же мне дотащить все это добро до дома? Идти-то мне прилично.

– Мы бы тебя подвезли, но сейчас к бабушке едем, – извиняющимся тоном сказала Дилара.

– Брось, ты что! – От смущения я замахала руками. – Донесу как-нибудь! Не стеклянная же.

Но свои силы я, кажется, переоценила. Книги были очень тяжелыми!

Ольга Владимировна увидела меня в коридоре и нахмурилась.

– Полина, донесешь сама?

– Куда денусь, – улыбнулась я. Слабачкой выглядеть не хотелось.

– Дима! – вдруг крикнула классная. – Дима, помоги Полине донести учебники!

Оказывается, неподалеку шел со своими друзьями Барс. Они свои пакеты тащили налегке. Парни же. Сильные.

– Не могу, – отозвался он, смерил меня взглядом, полным отвращения, и ушел вместе с друзьями.

– Полина, ты точно донесешь? Может быть, твоему отцу позвонить? – спросила классная руководительница. – Давай часть учебников оставим в классе, а в понедельник он придет и заберет.

– Нет! – тотчас ответила я. Просить Андрея ни о чем не хотелось. Он, конечно, сделает, а потом будет выговаривать маме в своей занудной манере, что из-за меня ему пришлось опаздывать на работу. Спасибо, обойдусь.

Я попрощалась с Ольгой Владимировной и пошла домой, таща по два пакета в каждой руке. Время от времени я останавливалась, ставила пакеты на землю и отдыхала.

Пройдя треть пути, я выдохлась.

Господи, да сколько этих учебников нам выдали?! Три тонны? Я откровенно устала тащить эту кипу. Кроме всего прочего, я умудрилась оступиться и подвернуть ногу. Не критично, конечно, зато еще и хромать стала. Красота.

В какой-то момент я просто остановилась, поставила пакеты на асфальт и посмотрела на ладони – на них остались отпечатки от ручек. Мне почему-то стало обидно до слез. Почему близняшкам помог все дотащить папа, а я тут стою одна посередине дороги и не знаю, как идти дальше? Почему я чувствую себя такой одинокой?

Меня накрыло чьей-то тенью. Я подняла голову и увидела Барсова. Его руки уже были пусты. Видимо, пока я тащилась как улитка, он уже успел сгонять до дома.

– Давай, – велел он мне вдруг.

– Что давать? – От удивления у меня округлились глаза.

– Пакеты! – рявкнул Барсов и без спросу взял все четыре. А после развернулся и пошел по дороге.

Сначала я решила, что он украл у меня учебники. И так возмутилась, что вся обида на мир пропала. А потом до меня дошло – он мне помогает.

Я нагнала его и заглянула в глаза:

– Ты что, помочь мне решил?

Барс ничего не ответил – лишь одарил еще одним красноречивым взглядом.

– А почему ты решил мне помочь? Правда, почему? Ну скажи! Денег потом попросишь, да?

– Слушай, отвали, а? – грубо ответил он. И я, фыркнув, отвернулась. Домой мы шли молча. Он с пакетами, и я с рюкзаком.

К моему удивлению, которому, кажется, не было конца и края, Барс подошел к моему подъезду.

– Открывай дверь! – велел он, сжимая пакеты в сильных руках.

Я спешно вытащила ключи и распахнула перед ним дверь.

– А ты что, до квартиры донести хочешь? – уточнила я.

– Могу и здесь бросить.

– Здесь не надо. Лучше до квартиры.

Если быть в рабстве, то до конца, подумала я. Буду эксплуатировать по полной. Сам ведь захотел! Никто его не заставлял!

В лифте, стоя на опасно близком расстоянии от Барса, я чувствовала себя максимально странно. Будто очутилась в одной клетке с врагом. Я до последнего ждала от Дуболома подвоха, но он ничего подозрительного не делал. Вышел из лифта и поставил сумки рядом с нашей квартирой. А потом, не прощаясь, сунул руки в карманы и направился к лифтам.

– Стой! – окликнула я его.

– Что? – поморщился он.

– Подожди немного, ладно? Я сейчас!

Я ворвалась в квартиру, достала из холодильника оставшуюся шарлотку, переложила ее в контейнер и вынесла на площадку.

– Держи, это тебе, – протянула я контейнер Барсу.

– Это что за бурда? – поднял он брови.

– Шарлотка. С яблоками и корицей. Вкусная! Ее разогреть нужно!

– Не надо, – ребром ладони отодвинул он контейнер.

– Возьми! – настойчиво сказала я. Мне хотелось поблагодарить его. – Это моя мама делала. Она отлично готовит!

Взгляд у Барса будто смягчился. Кажется, он колебался.

– Ладно, – все же сказал он. – Раз мама – это другое.

Барс взял контейнер с шарлоткой и ушел, а я осталась стоять на пороге квартиры и глупо улыбаться. И почему на душе стало так тепло?

Глава 9. Почти свидание

Вечером мне удалось сфотографировать Барсикова. Я случайно увидела его на балконе и, как заправский шпион, поползла на свой балкон, чтобы сфотографировать. Зачем – и сама не знаю. Во мне охотничий инстинкт проснулся, не иначе. Да и одноклассницам я уже сказала, что живу напротив Барсова, только близняшки мне, кажется, не поверили. Фото станет доказательством.

Однако едва я только затаилась на балконе, сидя на корточках и осторожно высовывая телефон, как на пороге появилась мама.

– Ты что делаешь? – удивленно спросила она.

– Сижу, – прокряхтела я.

– На полу? На балконе? Зачем?

– Так надо, ма!

Мама взглянула на дом напротив, а потом перевела озорной взгляд на меня. В ее глазах заплясали чертики.

– Ты что, за мальчиком подглядываешь? – громко и весело спросила она.

– Тихо! – возмутилась я. А вдруг услышит?

– Значит, правда поглядываешь, – сделала мама вывод.

– Меня девочки попросили его сфотографировать, – пробурчала я. – Но не хочу, чтобы он видел. Одноклассник мой.

– Тот, с которым ты у помойки торчала? Дай-ка мне телефон, – вдруг сказала мама.

– Зачем?

– Дай, говорю! Сама тебе его сфотографирую!

Мама буквально вырвала мобильник у меня из рук и стала делать вид, будто снимает селфи. Она вообще у меня та еще актриса!

– Держи своего красавчика, – протянула мне телефон мама. – Мальчик милый, папу твоего напоминает.

Я едва не подавилась от возмущения. Папу?! Да Дуболомина и рядом не стоял с папой! Папа был хорошим и добрым, а этот... Тут я вспомнила, что Барс помог донести учебники и захихикала. Мама неправильно это восприняла.

– Что, влюбилась? – все так же весело спросила она.

У меня от возмущения пропал дар речи, и я, сунув телефон в карман бриджей, поползла на коленях с балкона в зал. Мама стояла над душой и рассуждала на тему того, какой у меня милый одноклассник. Когда в комнате появился отчим, мы обе не поняли – он совершенно бесшумно вернулся домой. И атмосфера сразу поменялась. Даже будто темнее стало. Андрей явно был не в духе.

– Дорогой, ты вернулся! – радостно воскликнула мама и подбежала к нему, чтобы обнять, и он позволил сделать ей это, но затем отстранил от себя.

– День был тяжелый, – сказал он и ушел в спальню. На меня даже внимания не обратил, но не сказать, что это огорчало.

После ужина, который прошел в сумрачном молчании, Андрей нагрубил маме и закрылся в кабинете – так он называл самую маленькую комнату в доме, в которой работал по вечерам или в выходные. А мы с мамой решили посмотреть телевизор. Я обрадовалась, что остаток вечера мы можем провести без отчима, а вот мама была огорчена. Иногда мне казалось, что она слишком сильно зависит от этого человека. И готова сделать все что угодно, лишь бы он обратил на нее свое царское внимание.

– Что с Андреем? – спросила я ее тихо, когда началась реклама.

– Неприятности с сыном, – прошептала она. – Он очень расстроен. Кажется, его Руслан – трудный ребенок. Вечно тусовки, девочки, алкоголь, а тут еще и гонки какие-то. Андрею пришлось просить о помощи своих знакомых в полиции, чтобы дело прикрыли.

– Мажор какой-то, – проворчала я.

– Бывшая жена Андрея очень обеспеченная женщина, – поделилась мама. – Он говорит, что детей разбаловала очень. Не следит за ними. Плохая мать.

Мне так и хотелось сказать, что из Андрея так-то тоже отец не очень, раз он бросил детей и почти не общается, но я промолчала.

– Главное, что твоя дочь хорошая, – улыбнулась я, а мама обняла меня и поцеловала в лоб. Заснули мы с ней вместе, сидя перед телевизором.

Уроков в субботу не было – их распределили по другим дням, специально для того, чтобы освободить выходной для дополнительных занятий. Также в субботу стояли многие факультативы и кружки в самой школе.

Чтобы поступить на специальность «реклама и связи с общественностью», мне нужно было сдать три экзамена: русский язык, обществознание и английский. С русским у меня было неплохо, и его я решила подтягивать сама, а по обществу и английскому мы еще в августе нашли репетиторов. Английский как раз стоял по субботам и вторникам, а общество – по четвергам. Поэтому утром мне выспаться не удалось – пришлось ехать к репетитору.

После изнурительного занятия я встретила Диларой и Миланой, которые позвали меня гулять. Вместе мы забежали в книжный магазин, где я купила новый пенал – старый порвался. Не устояла и перед блокнотом с совами, потому что была их большой любительницей. И вместе с Диларой долго листала книгу с биографией BTS, твердо решив купить ее через интернет-магазин, чтобы вышло дешевле. Мы вообще много всего листали – обе обожали романтические книги и фэнтези. А еще я прихватила пару красивых ручек, самоклеящиеся стикеры и закладки. Канцелярия всегда была моим слабым местом. В общем, вышли мы не сразу.

– Больше мы в книжные не пойдем, – раздраженно сказала Милана, когда мы наконец направились в KFC. – Вас оттуда не вытащишь! Что вы нашли в своих книжках?!

– А ты что нашла в своих шмотках?! – всплеснула руками Дилара. – Это тебя из магазинов с одеждой не выгнать! Какой толк в сто пятой футболке?!

– Я покупаю одежду, чтобы выглядеть красиво!

– А мы читаем книги, чтобы быть умными! – рассмеялась я, и Дилара дала мне пять. Милане это не очень понравилось, и я на какое-то мгновение почувствовала себя неудобно, как будто бы влезла в их дружбу. Но разве я виновата, что у нас с Диларой много общих интересов? И музыка, и книги, и даже фильмы. А у Миланы на уме одни шмотки, косметос и Питер.

Однако все быстро пришло в норму. Мы отлично посидели в KFS, погуляли, и домой я вернулась уже ближе к вечеру. Андрей был недоволен. Сказал, что я должна не бегать с подружками по улице, а помогать матери, которая убиралась полдня. Мама пыталась донести до него, что ей моя помощь была сегодня не нужна, но отчим будто вымещал на нас свое плохое настроение. Нет, он не орал, не говорил гадостей – он нудным тоном читал мне лекцию целый час. А я, как маленькая девочка, стояла опустив голову и слушала.

– Ты не ценишь свою мать и то, что она делает для тебя, – в конце концов сказал Андрей.

– Но она не просила меня помочь, – попыталась возразить я.

– Мать должна просить тебя помогать? – поднял он бровь. – Ты должна делать это не спрашивая, нужна ей твоя помощь или нет. Будь благодарной. Мы содержим тебя – поэтому помогай. Твоя мать хоть и сидит дома, но она устает. Ей пришлось одной убирать всю квартиру.

Мне хотелось сказать ему – ну так и помоги ей ты, ты ведь сегодня весь день дома! Но я промолчала. Не захотела поднимать скандал.

– Да хватит уже, – вмешалась мама и обняла Андрея. – Ну погулял ребенок, что в этом такого? Ей тоже развеяться надо. Все хорошо, милый. Слушай, а может быть, чаю попьем, а?

– С шарлоткой, – благодушно кивнул отчим. – Она вроде бы оставалась.

– Я ее съела, – тихо сказала я. Андрей одарил меня выразительным взглядом, как будто его не шарлотки лишили, а денег, но промолчал. Только мама тоже этот взгляд заметила:

– А я новую сделаю! Андрюш, лучше с пылу с жару, так сказать! – тотчас сказала она. – Полинкин, сбегай за яблоками?

Пришлось бежать. И да, я снова увидела Барсикова – и не одного. В его руку вцепилась та самая блондинка, с которой он целовался на балконе в последний день августа. Та самая Вика, его подружка.

Они стояли у подъезда. Его руки лежали чуть ниже ее талии, а она обнимала его за шею и что-то весело говорила. Барс и Вика казались красивой парой, взрослой, у которой все по-настоящему, и я снова засмотрелась на них. Разумеется, Дуболом меня заметил – ровно в тот самый момент, когда Вика потянулась за поцелуем. И не стал ее целовать. Видимо, потому что я была рядом. Думал, что я опять начну пялиться. Идиот.

Я махнула ему рукой, в которой был пакет с яблоками. Мол, не смотри, отвернись. И яблоки живописно рассыпались по грязи – прямо у мусорного бака. Барс, скотина такая, начал ржать, да так весело, будто ему трое клоунов представление устроили. Вика явно ничего не понимала. А вот я обозлилась. Надо же было так, а! И что, мне эти яблоки теперь с хлоркой мыть?! Человеком я была брезгливым, поэтому пошла за новыми, а эти выбросила в мусорный бак.

Когда я возвращалась, Барса и его девушки уже не было. Я вдруг подумала – наверное, сейчас они у него дома и целуются так, что искры летят. А потом... Что они будут делать потом, я и представлять не хотела. Но отчего-то было обидно.

Воскресенье я провела за уроками, однако вечером вырвалась на прогулку с Игорем, с которым мы переписывались. Он приехал ко мне не один, а вместе с братом – тем самым Сашей, которого я тоже очень хорошо помнила.

Саша был старше Игоря, уже учился в университете и встречался с девушкой. Разумеется, он тоже вырос и изменился. Светловолосый, светлоглазый и очень серьезный, он казался мне таким взрослым, что я оробела, однако стоило ему обнять меня и назвать Лягушатиной, как все встало на свои места. Это он, мой друг детства, которого я однажды так ударила палкой по заднице, что он расплакался, а потом в отместку сунул мне за шиворот жука. Как я тогда орала...

– Какая ты красивая! – сказал Сашка, рассматривая меня. – Теперь тебя и Лягушатиной не назовешь! Скорее, принцессой!

– Спасибо, – улыбнулась я. – Ты тоже ничего! Вымахал под два метра. Кто бы мог подумать, да?

– Точно, – расплылся в улыбке Сашка. – Давайте, рассаживайтесь по местам! Устрою тебе экскурсию по городу!

Оказывается, у него была своя машина – он недавно получил права. Это был гордый черный «Фольксваген», подержанный, но классный. Прокатиться на нем казалась сродни чуду!

Парни уселись вперед, а я и рыжеволосая девушка Сашки по имени Лана – назад.

– Ты точно водить умеешь? – с подозрением спросила я Сашку.

– Конечно! Нас отец давно уже научил! Но пришлось ждать совершеннолетия, чтобы права получить. Так что не бойся, Лягушатиная! Прокачу с ветерком!

– Не называй ее Лягушатиной, – вдруг сказал Игорь. – Она уже взрослая. И красивая.

Он повернулся ко мне и улыбнулся, а я улыбнулась в ответ.

В салоне зазвучала модная танцевальная музыка, и мы рванули прочь со двора. Саша проехался по центральным улицам, а Игорь и Лана наперебой рассказывали мне о городе –

им явно хотелось, чтобы он понравился мне. Тут жил такой-то художник, там стоит памятник, у которого можно загадывать желание, а в той стороне находится Академгородок – местный научный центр с целой кучей НИИ.

Мое сердце замирало от восторга. До этого я никогда не каталась с парнями в машине. И теперь чувствовала себя взрослой.

Затем Сашка решил поехать на левый берег, и когда мы проезжали под железнодорожным мостом, Лана и Игорь дружно заорали:

– Поезд идет!

– И что?! – вздрогнула я.

– Как – что? – рассмеялась Лана. – Загадывай желание скорее!

– Если едешь под мостом, по которому едет поезд, нужно загадать желание, – встрял Сашка, уверенно руля.

И я тут же загадала его. Ладно, почти загадала. Я хотела вернуться домой и поступить там в универ, однако перед глазами появился Барсов и стал так нагло ухмыляться, что я на мгновение разозлилась. И какого черта он забыл у меня в голове?

– Теперь точно сбудется, – сообщила Лана. – Проверено лично мною. Я в прошлом году под мостом загадала встретить любимого и встретила Сашу, – зашептала она мне на ухо, пока парни спорили. Я улыбнулась. Лана мне нравилась – ее нельзя было назвать красавицей, однако в ней чувствовалось столько энергии и жизнерадостности, что аж настроение повышалось. Сашка смотрел на нее влюбленными глазами.

Мы покатались по историческому центру, наслаждаясь тем, как постепенно загораются фонари и уличная подсветка. Посидели немного на набережной, которую местные буквально боготворили, поели мороженое, выпили кофе и поехали назад. Мы болтали, вспоминали прошлое и рассказывали Лане забавные случаи из детства, проведенного вместе. Она смеялась так заразительно, что вместе с ней начинали смеяться и мы. И в конце нашей поездки у меня просто болели щеки.

Сашка довез меня до дома. Мы еще немного посидели в машине и сердечно попрощались.

– Я будто сестренку нашел, – на прощание сказал мне Сашка. – Давайте еще покатаемся на следующих выходных, договор?

– Договор, – кивнула я, а Лана обняла меня так, будто мы были давно знакомы.

– Игорь, кажется, на тебя глаз положил, – прошептала она мне, и от ее слов внутри стало тепло. Но я ничего ей не сказала – смутилась. И просто вышла из машины. А Игорь – следом за мной, чтобы проводить до подъезда.

А когда я уже собралась уходить, он вдруг поймал меня за руку и поцеловал в щеку.

Невинно. Неожиданно. Нежно.

Я замерла, удивленно на него глядя.

– Я так рад, что встретил тебя, – тихо сказал Игорь, рассматривая меня, и мне показалось, что я тону в его серо-зеленых глазах. Загадочных и глубоких.

– И я... Очень, – прошептала я.

– До встречи, Полина.

– До встречи...

Мы с трудом расцепили руки. И я, раз пять оглянувшись, наконец-то вошла в подъезд. Встала у стены, откинула на нее голову и осторожно коснулась щеки – там, где меня коснулись теплые губы Игоря. Боже, как же это приятно... Поверить не могу, что он поцеловал меня. Пусть не в губы – видимо, не хотел пугать. Но поцелуй в щеку тоже может сводить с ума.

Домой я полетела будто на крыльях. Однако настроение мне тут же понизили. Разумеется, отчим. Он до сих пор был не в духе из-за проблем с сыном, поэтому ко всему придирался. Увидев меня с парнем, он, кажется, снова решил поиграть в папочку.

– С кем была? – спросил он, когда я вошла в гостиную. По его тону я сразу поняла – сейчас начнется.

– Встречалась с другом детства, – ответила я. – Вернее, с друзьями. Мам, помнишь братьев Степановых? Я их встретила, представляешь!

– Да ты что? – всплеснула она руками. – И как они? Выросли, да? А родители у них как? Все хорошо?

– Дана, помолчи, – оборвал ее Андрей. – Полина, мать тебе несколько раз звонила. Почему не отвечала?

Я вытащила из кармана мобильник – он разрядился.

– Телефон сел. Прости, мам!

– Это крайне безответственно – заставлять мать волноваться, пока ты прохлаждаешься с парнями, Полина.

– Да это друзья детства!

– Я видел, какие вы друзья, – хмуро ответил Андрей с намеком. И я поняла – он видел, как Игорь меня поцеловал. Меня это рассердило.

– Но...

– Не будь легкомысленной. В твоём возрасте нужно не о мальчиках думать. А об учебе.

– Я о ней и думаю.

– Ты должна получить медаль.

– Я ничего никому не должна, – вырвалось у меня. Отчим нахмурился. Он и так был раздражен, а тут я еще смею перечить.

– Нет, милая, должна. С отличием закончить школу, получить медаль и поступить на бюджет. Хочешь учиться на платном – зарабатывай сама.

– Андрей, ну ты что! – воскликнула мама. В ее глазах заблестели слезы. Она ненавидела конфликты и становилась беспомощной. А еще она боялась перечить отчиму. И меня это обижало.

– Еще раз. Твоя дочь не должна думать о парнях. Она должна заниматься учебой.

– Или гонками, – тихо сказала я. Опять не получилось промолчать.

Глаза Андрея потемнели.

– Следи за языком, – с угрозой в голосе произнес он.

– Полина! Ну что же такое! – вскочила на ноги мама. – Перестань дерзить!

– Ты обязана приходить домой до восьми часов. И никаких парней, – выдал отчим. – Иначе будешь наказана.

– Но...

– Без но. В этом доме правила устанавливаю я. В своем доме, – подчеркнул отчим. И мне стоило больших усилий, чтобы не ответить. А потом я просто ушла в свою комнату и не выходила до следующего утра.

Мне было обидно. Слова о платном отделении задела меня. Не то чтобы я планировала поступать на платное – для меня существовал только бюджет. Однако сегодня отчим ясно дал понять, что платить за меня не намерен. Да мне и не нужны были его деньги! Куда больше меня задело то, что мама не вступилась. Не сказала, что я не делаю ничего плохого, что много занимаюсь, что поступлю на бюджет... Она как будто устранилась. Боялась встравать между нами. И, лежа в постели, я думала – кто для нее важнее? Я или отчим?

Глава 10. Ранение одиночеством

Барс проводил недобрым взглядом синеглазку, которая бабочкой впорхнула в подъезд. Тип, который проводил ее до подъезда и поцеловал, направился к своей тачке. Такие типы ему никогда не нравились. Вылизанные слабаки. Хорошие мальчики из полных семей с заботливой мамой и добрым папой. Барс таких издали чуял.

И, может быть, завидовал. Когда-то он тоже мечтал о такой семье. А сейчас ему было плевать. На все плевать. И на синеглазку тоже. С высокой колокольни. И его все бесит не из-за нее. Просто день стремный, вот и все.

Барс включил музыку, и комнату наполнили четкие ритмичные биты. Уверенный мужской голос в модной полупьяной манере начал зачитывать рэп – строки о том, какая жизнь дерьмовая вещь, но и из дерьма можно выплыть. Только нужно постараться. Барс всегда обещал себе, что будет стараться. С самого детства.

Слушая музыку и в такт ей покачивая головой, Барс нехотя переписывался с Викой. Она постоянно ему написывала. То тупые мемы присылала, то начинала ныть по поводу того, какая она уродка. Ему нужно было смеяться вместе с ней и постоянно говорить, что она красивая, стройная и вообще лучше всех на свете. Это раздражало. Если он сказал, что она красивая один раз, не надо ставить его слова под сомнение и спрашивать еще сто. Он ей что, типа врет? Почему она ему не верит?

Девушек Барс понимал плохо. Они казались ему существами с другой планеты, однако их обществом он обделен не был. Они сами липли к нему, а он не был против, хотя всегда честно предупреждал, что отношения – не для него. Но мечта любой девочки – перевоспитать плохого мальчика. Все его подружки пытались это сделать. Перевоспитать. А Барс не поддавался. Через неделю, или две, или три ему становилось скучно с ними. И он терял интерес.

С Викторией получилось так же. Она была красивой. Эффектной. В его вкусе. С классной фигуркой. И глаза у нее были хищными, как у пантеры. Она реально заинтересовала Барса, но вскоре он понял, что она какая-то пустая. К тому же Вика решила, что Барс – ее собственность, а это была ошибка. Он принадлежал только самому себе. И не собирался меняться ради кого-то.

В любовь Барс не верил. Правда, была одна, которая его зацепила. Давно. Он еще совсем пацаном был, лет тринадцати или четырнадцати. Ее звали Саша, и ему казалось, что она похожа на ангела с золотистыми кудряшками и невинным личиком.

Они познакомились в магазине и стали вместе гулять по вечерам. Все было мило и трогательно, как в книжке про любовь. Они держались за руки, вместе слушали песни, поделив наушники, болтали о всяких глупостях, сидя на набережной. Он набрался смелости и поцеловал ее. И это было жесть как нелепо. Руки тогда дрожали так, что пришлось сжать их в кулаки и сунуть в карманы штанов.

Короче, для него все было по-настоящему – ровно до того момента, когда их встретил ее отец. Он сразу понял, что Барс – неблагополучный. Им не ровня. И запретил дочери с ним общаться. А когда Барс попытался прийти к ней домой, чтобы поговорить, еще и вмазал по морде. «Еще раз увижу рядом со своей дочерью, закопаю, щенок», – пригрозил он. И сказал, чтобы больше не смел приходить к ним.

Саша написала ему сообщение: «Извини, но ты мне не подходишь, забудь меня». Она заблокировала его всюду и не выходила из дома. Барс ее понимал. Зачем такому ангелу, как она, такой, как он? Но после этого к девчонкам он и стал относиться иначе. Разочаровался.

Наверняка синеглазка такая же. Только с виду хорошая, а сама как Саша. Таким, как они, хорошим девочкам, подходят хорошие мальчики. Друг с другом они могут быть лицемерными, и никто не заподозрит фальши.

Из мыслей Барса вырвал телефонный звонок. Вика. Она начала надоедать ему своей назойливостью. Он не отвечает десять минут, и Вика начинает названивать.

– Малыш, пойдем завтра тусить к моим девчонкам? – спросила девушка. – У Таньки днюха! Оторвемся!

Барс поморщился. Малыш. Он же просил не называть его так.

– Не хочу.

– Почему? – расстроилась Вика.

– Потому что это твои подружки, а не мои. Давай как-нибудь сама, а?

– На день рождения все придут со своими парнями. Я что, одна должна быть? – рассердилась Вика.

– Возьми кого-нибудь другого.

– Что с тобой? – прямо спросила девушка. – Поцеловать меня не захотел. Потом стал игнорить. Теперь не хочешь тусоваться вместе.

Барс поморщился. Вику он действительно не поцеловал. А все из-за проклятой синеглазки. Она шла мимо, и Барс понял, что при ней сделать этого не может. И сам не понял почему. Не зря ему как-то давно Сашка говорила, что эмпатии у него ноль.

– Я не в настроении.

– Понятно, – фыркнула Вика. – Небось снова с этой стервой тусуешься?

– С какой?

– С бывшей со своей. Настенькой.

– Я с ней вообще не встречался, – раздраженно ответил Барс. – Это остальные так думают.

– И она тоже так думает! – выкрикнула Вика. – Считает, что ты до сих пор принадлежишь ей.

– Я никому не принадлежу. Ни тебе, ни ей.

– Нет, ты мой парень!

Дослушивать ее Барс не стал – тупо вырубил телефон. Однако не успел кинуть его на диван, как снова раздался звонок. Гремлин.

– Слушай, чел, пока гонок не будет. Нас тут немного менты накрыли, – сообщил он нервным голосом. – Разборки идут.

– Понял. Сообщишь, когда начнутся, – отрывисто сказал Барс.

– Да не вопрос! Слушай, ты подумай над моим предложением насчет тачки. Там уровень гораздо выше. Бабок больше. Заезды по всему городу.

– Подумаю, – хмыкнул Барс и бросил трубку. Так, гонки отменяются. Надо подыскать другую подработку.

Подобрав с пола Обеда, который умудрился заснуть во время игры с прутиком, Барс пошел спать. Лорд по обыкновению поплелся за ним. Перед тем как рухнуть на кровать, парень выглянул в окно. Синеглазки в них не наблюдалось.

* * *

Я ненавидела понедельники. И этот не стал исключением. С трудом встав, я собралась и побежала в школу – Андрей уже уехал. Наверняка не хотел меня везти, да и не нужно было. Что, я сама не дойду?

По дороге начался дождь, да не мелкий, а настоящий ливень. В одно мгновение хлынуло как из ведра. Пришлось бежать, подняв над головой ранец, однако я все равно промокла до нитки. Только тушью накрасилась зря – она потекла, и под глазами появились темные круги. Я стала похожей на панду. И пока пыталась стереть с кожи тушь, мимо прошел Барс. Он глянул на меня, и его губы растянулись в довольной улыбке. Не удивлюсь, что он дождь специально вызвал, чтобы меня позлить.

На этот раз он действительно был в форме. Черные брюки, рубашка, пиджак, небрежно висящий на плече. Даже в ней он выглядел типичным плохим парнем.

На перемене ко мне опять пристал Егор. Подошел на глазах у всего класса, когда я болтала с Диларой, с ногами сидя на своей парте, и сказал, что я отлично выгляжу.

– Может, на свидание сгоняем? – предложил он, вертя на пальце ключи. Вид у него был крутой и независимый.

Все, кто находился в классе, обернулись на нас. В том числе и подружки Малиновской, которая на перемене ушла.

– Не хочу я с тобой на свидания гонять, – нахмурилась я.

– А я хочу. Город тебе покажу, – широко улыбнулся Егор и попытался меня приобнять, но я сразу сбросила его руку.

– Не надо меня трогать, – попросила я его, пытаюсь скрыть раздражение.

– Да чего ты? Я просто подружиться с тобой хочу. Если так тебе противен, так и скажи, чтобы отвалил.

Кажется, Власов обиделся. И мне стало неловко.

– Я просто не люблю, когда меня касаются, – сказала я спокойным тоном.

– К тому же у нее парень есть! – вставила Милана. – Так что ты в пролете.

– Ну ладно. Прости, если что, новенькая. – Егор сунул руки в карманы и подошел к парням, которые стали ржать. Все видели, что я отшила его.

– Не связывайся с ним, – тихо сказала Дилара. – Малиновская – ненормальная. Она на нем помешалась.

– Да не нужен он мне. У меня Игорь есть! – спешно сказала я. В это время в класс зашел Дуболом, который направился к своей парте и все услышал.

– Твой Игорь классный! – заявила Яна.

– Вы с ним отлично смотрите! – подхватила ее сестра. – На ваши фотки смотришь, и такое чувство, что вы уже года два встречаетесь! Такая химия!

– Давайте вы не будете орать мне под ухо? – резко спросил Барс, развалившись на своем месте с бутылкой воды.

– Прости, – мигом заулыбались девчонки, а я недобро на него покосилась.

Во время последнего урока он вернул мне контейнер из-под шарлотки. Между прочим, чисто вымытый. Молча сунул на мою сторону парты, прежде чем встать и одним из первых покинуть класс. Кажется, учиться ему не очень нравилось.

После уроков погулять не удалось – во-первых, было много домашки, а во-вторых, сегодня у меня было дистанционное занятие по математике, и времени не ни на что не хватало. Впрочем, девчонки тоже разбежались по своим репетиторам, и я в одиночестве пошла домой.

Погода стояла стылая, хмурая, а воздух пропитался влагой. Я не любила такие дни – слишком уж тяжелыми они были. В голове крутились горькие воспоминания, невысказанные слова, старые обиды и разочарования. Все вокруг казалось бессмысленным, и больше всего на свете хотелось очутиться в месте, где никто не сможет потревожить.

Я шла, перепрыгивая через лужи, и изо всех сил отгоняла от себя хандру. Все будет хорошо. Я уверена!

Послышался знакомый гул, и я вновь подняла голову – самолет. Серебристая птица пролетала над моей головой, и я почему-то улыбнулась. Самолет – символ перемен, и эти перемены обязательно принесут счастье.

– Новенькая! Куда идешь? – раздался за спиной веселый голос Егора Власова. Я мысленно застонала. Опять он! И что ему нужно?

– Домой. А ты?

– К репетитору, – нагнав меня, ответил одноклассник. – Не хочу никуда поступать, но предки говорят, что я должен ЕГЭ нормально сдать. Вот сдам его и пошлю их.

– А чем заниматься хочешь? – спросила я, но не из любопытства, а из вежливости.

– Хочу блогером быть. Видосы в Тик-токе снимаю. У меня уже есть кое-какая аудитория.

– А что снимаешь? – поинтересовалась я.

– Себя, – ухмыльнулся Егор. – Тренды, челленджи, повы и все такое. Ты не заметила, но я красавчик. Девочкам видосы со мной заходят.

Он засмеялся, и смех его показался мне неприятным. Высокомерным. Видимо, парень возомнил себя начинающей звездой.

Егор принялся рассказывать о том, что он снимает, и, хотя мне это было не особенно интересно, пришлось слушать. Откуда появился рыжеволосый здоровенный парень, который налетел на нас, я так и не поняла. Он просто вдруг вынырнул из-за угла и пронесся мимо, толкнув меня плечом. Я тут же полетала на асфальт, а Егор подхватил и зачем-то прижал к себе.

– Ты в порядке? – спросил он меня, дыша прямо в ухо. Я дернулась и высвободилась из его объятий.

– В полном. Спасибо, что не дал упасть.

– Всегда пожалуйста, – ухмыльнулся Егор. – Рад, что ты не пострадала. Вот идиот! И не извинился даже!

– Точно, идиот, – процедила я сквозь зубы. – Ладно, мне в ту сторону, пока!

– Стой! – схватил меня за руку Егор, но увидев, какими стали мои глаза, тотчас поспешил отпустить. – Новенькая, выручи, а? Ты же в математике сечешь? Можешь мне решить одно уравнение? Репетитор дала задание, а я не понял, как решать. Пожалуйста-а-а, – протянул он жалобно и сложил ладони у груди.

Пришлось помочь. Мы сели на ближайшую лавку, и я объяснила Власову, как решать это уравнение, которое на самом деле было сущей ерундой. Егор, по ходу, в математике вообще не шарил. Куда лучше он разбирался в социальных сетях.

– У тебя на волосах паук, – вдруг заявил Егор, когда я хотела с ним попрощаться.

– Что? – занервничала я. – Убери его, пожалуйста!

– Сейчас, – склонился ко мне Власов. – Ты только не дергайся, хорошо?

Его лицо оказалось так близко от моего, что я невольно отвела глаза. Если бы не чертов паук, которых я боялась, то я бы оттолкнула Власова. Однако пришлось ждать, когда он уберет паука и стряхнет его куда-то на землю.

– Готово, – самодовольно сообщил Егор. – И что бы ты без меня делала, новенькая?

Я хотела сказать, что жила бы счастливо, но не стала. Просто попрощалась с ним и побежала домой. На сердце было беспокойно – оно будто чувствовало, что приближается что-то плохое.

А началось все с того, что меня исключили из общего классного чата.

Глава 11. Начало травли

Сначала я даже ничего не поняла. Заметила, что меня удалили из чата только поздно вечером, когда не смогла отправить сообщение. Я не нервничала – решила, что это какая-то ошибка. Приложения ведь часто глючат! И просто написала в чат с девчонками:

«Слушайте, а что такое с общим чатом? Меня исключили?»

Мне никто не ответил. Ни через десять минут, ни через час, ни через два. Я попыталась дозвониться до Дилары и Миланы, но девочки не брали трубку. И тогда я стала понимать – что-то произошло. Однако успокаивала себя тем, что, скорее всего, одноклассницы уже спят.

Спала я плохо – меня мучило какое-то нехорошее предчувствие. Снилось, будто я стою по шиколотки в мутной реке, а с берега на меня надвигается чудовище. Оно окутано туманом, и я вижу лишь его силуэт и алые сверкающие глаза. Чудовище все приближалось, и мне приходилось отступать дальше. Вот я стою уже по колени в воде, по бедра, по пояс, по грудь, по плечи... Вот больше не чувствую дна – барахтаюсь в реке, стараясь не утонуть. Мне страшно, что вода вот-вот сомкнется над головой, я задохнусь и меня не станет. Чудовище погружается в воду, плывет ко мне. Оно снова рядом – хочет утащить на дно.

Однако в последний момент рядом со мной появляется лодка. В ней сидит какой-то парень, чье лицо я не могу разглядеть, потому что оно закрыто маской. Он хватает меня, вытаскивает из воды ровно в тот момент, когда чудовище хочет утянуть меня. Я в лодке. Сажу напротив, дрожа от страха, и тянусь к незнакомцу, чтобы стянуть с него маску и увидеть лицо.

Но именно в этот момент зазвонил будильник, и я подскочила на месте. Холодно было потому, что я забыла прикрыть окно, а одеяло упало на пол. Наверное, из-за этого кошмар и приснился.

Перед тем как пойти завтракать, я проверила соцсети – мне так никто и не ответил на мое сообщение. Зато несколько одноклассниц отписались от меня. Да что происходит?..

В школу я пришла рано – Андрей снова сделал великую милость и подвез меня, хоть я и отказывалась. Однако мое «нет» он по обыкновению не слышал. Велел спускаться и садиться в машину. Пришлось подчиниться.

Первым уроком стояла математика. Когда я вошла в класс, ребята, которые уже пришли, резко замолчали.

– Привет! – сказала я неуверенно и улыбнулась. Они мне не ответили – отвернулись и стали тихо разговаривать. О чем, я не могла разобрать.

Все те, кто приходил в класс, меня игнорировали – либо делали вид, что не замечали, либо одаривали недобрыми взглядами, будто я совершила что-то ужасное. Я сидела за партой и не понимала, что происходит. А когда я пыталась заговорить с одноклассниками, они молчали.

Дилара, Милана и близняшки зашли в класс одними из последних, и у меня появилось ощущение, что они сделали это специально, чтобы не общаться со мной. Я бросилась к ним с улыбкой, потому что надеялась – может быть, хотя бы они что-нибудь мне объяснят?

– Девочки, привет! – воскликнула я. Дилара опустила глаза и первой прошмыгнула на свое место. Милана одарила меня мрачным взглядом, но тоже ничего не сказала. А близняшки насмешливо фыркнули. Яна задела меня плечом, а Аня тихо прошипела:

– Идиотка!

Самыми последними в классе появились Лика Малиновская и ее подружки. Они словно что-то знали – уставились на меня так, будто бы я была мусором. Сложив руки на груди, Лика разглядывала меня, как охотник – добычу, но я не стала опускать взгляд. Смотрела ей прямо в глаза. Нашим гляделкам помешало появление Ольги Владимировны, которая залетела в класс и сразу же объявила:

– Урок уже начался! Займите свои места! Вставать не надо!

Ли́ка криво улыбнулась и походкой модели направилась по проходу на свое место. А я опустилась на стул, чувствуя, как бешено колотится сердце. Барсова сегодня не было – за партой я сидела одна.

– Барсова нет? – спросила классная, зорким взглядом окидывая присутствующих, чтобы сделать отметки в журнале – в обычном и в электронном. – Кого еще нет?

– Власова и Славенко! – выкрикнул кто-то из ребят.

– Ясно, – кивнула Ольга Владимировна и захлопнула журнал. – Так, собрались! Начинаем эту неделю продуктивно! Запомните, этот год для вас особенный, вы не должны подкачать!

Она начала урок с проверки домашнего задания, затем объяснила новую тему и устроила проверочную в самом конце. Как назло, у меня закончилась паста в ручке, а запасной не было – я умудрилась забыть пенал, когда собирала сумку.

– Есть запасная ручка? – спросила я тихо, обернувшись к Диларе. Канцелярии у нее всегда было много, и она саму себя в шутку называла «канцелярской феей», однако одноклассница вдруг замотала головой, хотя на краю парты лежал ее пенал. Меня словно парализовало. Дилара явно не хотела общаться со мной. Тогда я обратилась к другим девочкам, но они сделали вид, что ничего не слышат. Меня накрыло дикой паникой.

– Туманова, хватит вертеться и разговаривать! – услышала я голос Ольги Владимировны. – Так, листочки все приготовили? Сейчас раздаю задания.

Мне нечем было писать, остались лишь карандаши. Пришлось брать один из них, спешно подписывать листок и решать уравнения. Ольга Владимировна собрала листочки, ничего не заметив.

Урок закончился, однако из кабинета мы выходить не спешили – по расписанию стояло две математики подряд. Класс наполнился привычным гулом. Кто-то разговаривал, кто-то смеялся, кто-то смотрел видео в Тик-токе... И все как один делали вид, что меня не существует. Даже те, кого я стала считать своими подружками. Дилара, Милана и близняшки вылетели из класса и остановились у окна напротив, что-то громко и весело обсуждая. А когда я попыталась подойти к ним, просто ушли. Я стояла как вкопанная на месте и чувствовала, как холод ползет по ногам, позвоночнику, проникая в сердце и замораживая его.

И тогда я поняла. Мне объявили бойкот.

Только за что? Что я сделала? В чем провинилась?

«Девочки, пожалуйста, скажите, что случилось?» – написала я в наш чат, они читали, но молчали.

«Что я сделала не так? Я ничего не понимаю...»

Вместо ответа меня удалили из чата.

В класс я вернулась абсолютно потерянная. Никогда раньше я не оказывалась в таком положении, когда от меня отказались все, – ни в прежней школе, ни в лагере, куда иногда меня отправляла мама. Напротив, я всегда со всеми общалась, старалась помогать, если это было в моих силах, поддерживала. Я никогда не оставалась одна.

Ли́ка Малиновская снова смотрела на меня с глумливой ухмылкой. Видимо, за всем этим стояла она. Но что я ей сделала? Неужели это как-то связано с Егором Власовым, которого сегодня тоже не было в школе? Ли́ка ревновала его ко мне? Но ведь я лишь пару раз поговорила с ним и помогла вчера с решением уравнения. Ничего больше!

На следующей перемене, перед химией, я решила подойти к Ли́ке и прямо спросить у нее, в чем дело. Было страшно, и сердце билось где-то в горле, а виски будто охватило обручем и сдавливало. Но больше оставаться в неведении я не могла.

Мне нужна была правда. Пусть объяснятся.

Ли́ка сидела за партой и болтала ногами. Юбка у нее почему-то была короче, чем у других девчонок. Вероятно, она укоротила ее, чтобы лучше было видно стройные загорелые ноги.

Рядом с ней расположились ее подружки. Они весело что-то обсуждали, не стесняясь в выражениях.

Малиновская заметила меня, но болтать не прекратила. И мне пришлось влезть в их разговор.

– Слушай, я не понимаю, что происходит? – спросила я, набравшись смелости. Обруч еще сильнее сжал виски, и сердце билось так громко, что я боялась – его сейчас услышат.

– Мне кажется или у нас в классе завелась крыса? – громко спросила Малиновская, продолжая болтать ногами, не глядя на меня. – Я слышу, как кто-то пищит.

В классе воцарилась тишина.

– И я слышу, – противно засмеялась одна из ее подружек.

– Точно! Пищит кто-то! – поддержала другая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.